

Об этой книге, полной скандалов, тайн
и интриг, будут говорить все.

Heat (UK)

УЛЬТИМА

МАЭСТРА

Книга 3

18+

Л. С. ХИЛТОН

Джудит Рэшли

Л. С. Хилтон

Ультима

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Хилтон Л. С.

Ультима / Л. С. Хилтон — «Азбука-Аттикус», 2018 — (Джудит Рэшли)

ISBN 978-5-389-16232-7

Она всегда добивается поставленной цели! Блестящий искусствовед Элизабет Тирлинк кое-что знает о подделках. В конце концов, она и сама подделка. Ее истинная личность, Джудит Рэшли, похоронена под слоями лжи. Не говоря уже о трупах тех, кто был настолько глуп, чтобы встать на ее пути. Но сейчас Джудит оказалась в ловушке: русский олигарх и коррумпированный итальянский полицейский требуют создать фальшивку, которую за большие деньги можно будет продать во всемирно известном аукционном доме «Британские картины», где девушка когда-то работала в качестве помощника. Джудит соглашается, желая выиграть время и таким образом избежать смерти. «Ультима» – это стильный, эффектный остросюжетный детектив, последняя книга трилогии, в которой действует прекрасная и жестокая Джудит Рэшли, чьи поступки невозможно предсказать до последней страницы. Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-16232-7

© Хилтон Л. С., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
1	7
2	15
3	21
4	27
5	32
6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Л. С. Хилтон

Ультима

L. S. Hilton
ULTIMA

Copyright © L. S. Hilton 2018

The moral rights of the author have been asserted

All rights reserved

Published in Russia by arrangement with The Van Lear Agency and Bonnier Publishing Fiction.

© Н. А. Пресс, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Майклу Платту, с благодарностью

Пролог

Накануне аукциона мы, взявшись за руки, гуляли по вечернему городу. Лондон словно преобразился: ночь выдалась на редкость теплая, фонари выстроились в ряд, заливая фосфоресцирующим светом поверхность реки, неподвижно застыли по-летнему густые аметистовые тени деревьев Сент-Джеймс-парка.

Позже, уже в спальне, он поцеловал меня, и я ощутила собственный, едва уловимый вкус на его губах. Свет включать не стала, просто открыла окно. Мне хотелось окунуться в сладкий, грязный воздух Лондона, ощутить его прикосновение к разгоряченному телу. Я опустилась на него, чувствуя, как его язык оказывается ровно между моих половых губ. Медленно отклонилась назад, изгибаясь всем телом навстречу члену. Сильная мужская ладонь уверенно сжимала мою шею чуть ниже затылка, тело выгнулось дугой в предвкушении, на секунду я замерла, а потом он перевернул меня на бок, так что мои ноги оказались вытянутыми вдоль его груди. Целуя мои щиколотки, он вошел в меня ленивым, неторопливым движением, поглаживая раскрытой ладонью низ моего живота.

– Ті ато, Джудит. Я люблю тебя.

– Докажи.

– Куда?

Куда? Да повсюду.

– Прямо туда! И на волосы, в рот, на кожу, на попу! Хочу все, до последней капли. Хочу пить тебя, пить твою сперму!

Он снова перевернул меня и поставил на четвереньки. Я уперлась ладонями в изголовье кровати, но он схватил меня за запястье, выкрутил мне руку за спиной, толкнул на подушки и обрушился на меня всем весом, одним тяжелым, неотвратимым движением. Я раздвинула ноги пошире, приглашая войти во влажную расщелину.

– Еще?

Очередной толчок.

– Еще? – спросил он, опускаясь на колени и входя в меня одним пальцем, потом двумя, потом тремя. – Хочу, чтобы ты меня умоляла. Давай умоляй! Скажи, что жить не можешь без моего члена!

– Пожалуйста! Не останавливайся! Трахни меня! Пожалуйста!

– Хорошая девочка!

Я так вспотела, что его ладони скользили по моей коже, когда член снова вонзился в меня. Изогнувшись, я взяла в руку его яйца, крепко сжала, движения становились все быстрее и быстрее, попадая в самую сердцевину меня, и наконец, с резким стоном я кончила.

– А теперь перевернись и открой рот.

Потом мы лежали в темноте, и я гладила его лицо, целовала веки, уголки рта и любимую впадинку за ухом.

– Можно задать тебе вопрос? – спросила я, уткнувшись ему в шею и чувствуя губами ровное, ставшее родным биение его пульса.

– Все, что угодно, дорогая.

– Когда конкретно ты планировал убить меня?

Пульс остался ровным. Ни малейшего напряжения, никакой реакции. Он приподнялся на локте, наклонился ко мне, наградил меня долгим поцелуем взасос, потом отстранился и прошептал:

– Завтра, любимая. Или послезавтра.

Часть первая

Холст

1

Шестью месяцами ранее

Раньше мне не доводилось бывать на юге Италии, но, судя по всему, этот визит должен был стать первым, последним и недолгим. Главным образом потому, что инспектор Ромеро да Сильва из финансовой полиции целился из своего пистолета мне прямо в сердце. Мы стояли на берегу моря где-то в Калабрии, а точнее, на бетонной платформе посреди темного, свинцового моря. Метрах в ста от нас на волнах покачивался небольшой ржавый грузовой корабль, толстый резиновый шланг соединял его с водоочистными сооружениями поблизости. Можно было бы попробовать добраться до него вплавь, но да Сильва уже сообщил мне, что если он не прикончит меня, то за него это сделает течение. И хотя за последние несколько часов я имела возможность убедиться в том, что на фоне да Сильвы мои способности к ведению двойной жизни находятся, мягко говоря, на любительском уровне, тут я почему-то ему поверила. С другой стороны, риск меня возбуждает. К тому же я увидела кое-что, чего да Сильва разглядеть не мог. У него за спиной по пляжу в нашу сторону медленно, но целеустремленно шел какой-то мужчина. Вряд ли это был случайный прохожий, потому что в руках у него была снайперская винтовка.

– Либо закончим все здесь, либо ты едешь со мной, и попробуем некоторое время поработать вместе, – уверенно произнес да Сильва, не спуская меня с прицела.

– Поработать вместе? – сквозь зубы процедила я.

Подходящий момент задуматься обо всем, что я сделала, обо всем, что привело меня сюда, обо всем, чем я была и чем я стала. Но я решила действовать по-другому и ответила:

– Что ж, давай! Давай стреляй! Вперед!

Раздался выстрел, лицо да Сильвы исказилось от удивления. Второй раз за неделю меня пытались убить. Но пуля вылетела не из «каракала» да Сильвы, который продолжал целиться мне прямо в сердце, а сзади, с пляжа. Медленно, не меняя положения тела, да Сильва повернул голову и увидел человека у подножия скалы. Тот дал предупредительный выстрел в воздух. Я едва сдержалась, чтобы не сказать, что, по крайней мере, кто-то здесь ведет себя по-деловому, но момент был неподходящий. В воздухе едва ощутимо запахло порохом, в мрачное, серое декабрьское небо поднимался дымок.

– Девчонка! Мне нужна девчонка! – прокричал снайпер.

– Ты умеешь плавать? – шепнула я да Сильве.

– Слишком сильное течение, – медленно произнес он. – Это не шутки.

– Схвати меня и держи перед собой! Потом по трубе!

– А если он тебя застрелит?

– Ты же сам только что собирался это сделать!

Снайпер направил на нас винтовку, и тут да Сильва бросился вперед, схватил меня за плечо, резким движением развернул спиной к себе и, кружась, словно в танце, поменялся со мной местами, оказавшись спиной к морю. Теперь винтовка была направлена на меня. Ну что ж, хоть какие-то изменения.

– Ты меня не расслышал? Отпусти девчонку!

Не спуская нас с прицела, снайпер уверенно двинулся в нашу сторону по заваленной мусором гальке. Прикрываясь моим телом и держа меня за горло согнутой в локте рукой, да Сильва сделал шаг назад, потом еще один и еще один, и я почувствовала, как его хватка ослабла, он отпустил меня, над моей головой просвистела вторая пуля, и я бросилась на бетон, прикрывая голову руками. Всплеск – и тишина. Я осторожно приподняла голову. Да Сильва только что сказал мне, что если я брошусь в море, то не протяну там и нескольких минут, но ему удалось доплыть до трубы. Я видела, как он отчаянно борется с волнами. Снайпер приближался, у меня оставалось секунд двадцать, не больше, – маловато для принятия взвешенного решения. Труба была слева, пара-тройка движений руками – и я там. Перекатившись на бок, я сделала глубокий вдох, задержала дыхание и бросилась в воду.

Да Сильва сказал правду: подводное течение было настолько сильным, что я слышала его глухое, мощное гудение, слегка заглушаемое гулом трубы под давлением. У меня перехватило дыхание, но не от холода, а от силы течения. Тяжелый пуховик уже превратился в мокрый саван и намотался на голову. Я извивалась, пытаюсь сорвать его с головы, ослепленная соленой водой и жуткими приступами паники. Стоило мне всплыть на поверхность, как рядом ударила еще одна пуля, и я в отчаянии, из последних сил дернулась в сторону неровного края трубы. Мне почти удалось перекинуть одну ногу, я прижалась щекой к скользкой, отвратительной резине, покачивавшейся на волнах, вцепилась зубами в пуховик, порвала его, высвободила правую руку. Не успела я высвободить левую руку и поудобнее ухватиться за трубу, как волна ударила мне прямо в лицо и пахнущая тухлыми водорослями вода наконец сорвала с меня этот чертов пуховик. По комплекции я была меньше да Сильвы, труба оказалась слишком широкой, и я не могла спрятаться под ней, не задохнувшись. Мне пришлось схватиться за край, подтянуться и залезть на нее. Так я, по крайней мере, могла более или менее видеть, что происходит. Хотя лучше бы не видела. Мужчина на пляже сидел верхом на трубе, в месте ее соединения с платформой, и готовился выстрелить снова. Раздался выстрел, но целился мужчина не в меня. Видимо, да Сильва где-то в воде, чуть дальше. Мужчина двинулся вперед, оседлав трубу, словно ковбой лошадь. На качавшемся неподалеку корабле никаких признаков жизни не наблюдалось. Если мы втроем сможем добраться дотуда, то дальше нам предстоит решать наши проблемы уже на палубе. У меня не было никаких средств самозащиты, кроме разве что заколки в заднем кармане джинсов, которые я надела вчера, еще в Венеции, когда решила, что да Сильва хочет арестовать меня за убийство. Когда все еще было спокойно. Самое время поностальгировать, вот только времени на это нет.

Заколка, то есть металлический зажим для волос, оказалась примерно десять сантиметров длиной, ее можно было согнуть и заколоть волосы узлом. Окоченевшими от холода пальцами я с трудом вытащила заколку из кармана. *Думай, Джудит, думай!* В качестве оружия я ее использовать не смогу, даже если стрелок вдруг подпустит меня достаточно близко. Больше он церемониться не станет и вряд ли будет взвешивать потенциальный риск нанесения ущерба. Зажав заколку в зубах, я в отчаянии двинулась вперед, проползла несколько метров, потом снова слезла с трубы, продолжая держаться за нее ногами, взяла заколку в руку и набрала полные легкие воздуха. Глаза щипало от соли, острые края трубы врезались в ладонь, я занесла руку вверх и со всей силы воткнула заколку в толстую резину шланга, она вошла туда целиком. С усилием дернув, я вытащила ее, шланг изогнулся, словно гремучая змея, вырвалась струя воды – давление там было приличное. Меня вытолкнуло на поверхность, но следующая волна снова затянула меня вниз. Я попыталась обхватить трубу руками, но она была слишком толстая, руки скользили, шланг извивался с безумной силой, дергая меня туда-сюда. Кое-как мне удалось всплыть на поверхность и глотнуть воздуха, хотя течение упорно тянуло меня вниз. Стрелка в зоне видимости не было. Задышавшись, я изо всех сил работала ногами, горло горело от соли. Я беспомощно молотила руками и ногами по воде. О том, чтобы попытаться плыть, не было и речи: я уже выдохлась, мокрая одежда затрудняла движение, я могла разве что пытаться

не утонуть. Просто некоторое время оставаться на плаву. Помню, как, опустив голову в безразличную, холодную глубину, я подумала, что мне, на удивление, уже не холодно.

– Сюда! Давай сюда!

Интересно, почему я не услышала мотора шлюпки? Голос да Сильвы почти заглушала свистящая песня моря, игравшая у меня в голове, как будто я приложила ухо к раковине. Крики итальянца мешали мне наслаждаться этой тихой, убаюкивающей мелодией. *Ну почему просто не оставить меня в покое?* По крайней мере, я смогу лишиться его удовольствия победы, подумала я и перестала двигать ногами, ускользая в ласковые объятия моря.

Когда я открыла глаза, было темно, – наверное, наступила ночь. Угольно-черные облака, редкие проблески полумесяца. Проснулась я от холода. Промокшая, жесткая от морской соли одежда облепила тело, я вся дрожала, зубы стучали, как у заводного Щелкунчика. Похоже, я лежала на дне шлюпки, и каждый раз, когда снизу ударяла волна, казалось, что она бьет меня прямо в поясницу. Гудение двигателя отзывалось болью в ушах. В свете светодиодов я увидела, что да Сильва спокойно сидит на корме и правит. А вдруг я попала в ад, подумалось мне. Вдруг я обречена вечно плыть в лодке по реке Стикс в компании да Сильвы? Но у меня так болели ноги, так пересохло в горле, что с некоторым разочарованием я была вынуждена признать, что все еще нахожусь в царстве живых. Я попыталась сесть и ударила головой о заднее сиденье шлюпки.

– Значит, ты в порядке, – обернувшись на звук, произнес да Сильва.

С удивлением я заметила, что моя правая рука лежит над головой в каком-то крайне неудобном положении. Я попыталась пошевелить ею, но тут же ощутила, как по мокрой коже запястья скользит металл. Да Сильва приковал меня к ножке скамьи.

– У тебя там есть вода.

Пошарив левой рукой под скамейкой, я нащупала пластиковую бутылку «Эвиан». На вкус вода показалась мне куда лучше, чем «Лафит» семьдесят третьего года.

– Засранец, – произнесла я, чтобы поддержать разговор.

– Почему?

– Я тебе, вообще-то, жизнь спасла! Он бы тебя в два счета пристрелил. И меня заодно.

– Так и я тебя спас, забыла? – тут же ответил он, и мне пришлось признать, что некоторая доля логики в его словах есть.

– Куда мы плывем?

– Заткнись!

– Я замерзла!

– Заткнись!

Я вытянула ноющие от боли ноги, но до итальянца мне было не достать. Да и зачем? Даже если мне удастся сбросить его за борт, в наручниках до управления я не доберусь. Но даже если случится чудо, что мне делать дальше? Без денег, без телефона, без паспорта? Если мне и удастся добраться до суши, до Венеции отсюда 700 миль, не меньше. Можно, конечно, авто-стопом... но в квартире в Венеции меня ждет труп – не самая приятная перспектива. К тому же чувствовала я себя отвратительно: меня тошнило, ведь я изрядно наглotalась соленой воды, руки и ноги нещадно болели, от мокрой футболки и джинсов было ужасно холодно – не май месяц. И вот я дрейфую непонятно где, в компании продажного итальянского полицейского, который несколько часов назад хотел меня пристрелить, а потом, судя по всему, сам чудом избежал пули снайпера. Вот такой незапланированный мини-отпуск...

– Откуда шлюпка?

– Позаимствовал! Снял с грузовой баржи. Времени спросить разрешения не было, отвязал и поплыл.

– А ты видел, что стало с нашим другом?

– Течение там жуткое, я же говорил. Он больше не будет нам докучать. Кстати, я уже два раза попросил тебя заткнуться!

– Мне надо в туалет! – взмолилась я.

– Какая разница, сходи здесь, у тебя все равно одежда мокрая. Развязывать тебя не собираюсь, даже и не мечтай.

– Как мило!

– Я же сказал: заткнись!

Мне не оставалось ничего другого, кроме как наблюдать за кучевыми облаками, то и дело проступающими из темноты. Устав от этого, я стала разглядывать да Сильву. Когда надоело и это, каким-то образом я умудрилась снова провалиться в сон.

В следующий раз я проснулась от толчка – шлюпка скребла дном сушу. Да Сильва склонился надо мной и, мило прижав меня коленом к скамейке, расстегнул наручник. Следы на палубе подсказали мне, что на шлюпке мы были не одни, хотя ничего, кроме груди да Сильвы, мне не было видно.

– Шлюпку можно бросить прямо тут, – спокойно произнес он, но я чувствовала исходящий от него соленый, с кислинкой запах пота – полицейский явно чего-то боялся. – Поднимайся!

Я послушно встала. Корма шлюпки, где раньше сидел да Сильва, все еще покачивалась на волнах. Чьи-то руки подняли меня, я изо всех сил вглядывалась в темноту, пытаюсь рассмотреть лицо, но как только мои ноги снова коснулись земли, мне тут же завязали глаза. Все было сделано так быстро и профессионально, что я сразу поняла: кричать бессмысленно.

– Вы двое ведете ее. Я – за вами, – сказал да Сильва на каком-то южном диалекте, который я понимала с трудом, и меня тут же подхватили под локти.

– Сюда, синьорина, – произнес чей-то голос.

От говорившего несло рыбой и луком. От холода у меня совсем занемели ноги, но я, спотыкаясь, полезла вверх по крутому песчаному склону.

– Минутку... Вот мы и на месте, – по-деловому бесстрастно произнес Вонючка, как будто для него все это было обычным делом. – Теперь садитесь в машину. Вот так. *Attenzione alla testa*¹.

Я с облегчением рухнула на мягкое кожаное сиденье. Вонючка пристегнул меня, и машина слегка просела, когда в нее залезли мужчины. Тепло, наконец-то мне тепло! Какое блаженство и какая роскошь! *Если они избавятся от меня сейчас, я имею все шансы умереть счастливым человеком!*

В начале пути я пыталась считать секунды, чтобы знать, на каком мы расстоянии от моря, но скоро бросила эту затею. Все эти приемчики, которыми рекомендуют пользоваться в случае похищения, не особенно актуальны: посылку с моим отрезанным ухом и послать-то некуда... Скорее всего, они везут меня в какую-нибудь дыру в сельской местности, пристрелят там и выбросят тело в канаву.

– Пора выходить, – раздался голос да Сильвы, как только заглух двигатель.

Мы с Вонючкой снова проделали странный кульбит «преступник – полицейский»: он вывел меня из машины, пригибая мне голову вниз.

– Сюда.

В груди глухими толчками забился страх. Из последних сил я сдерживала импульс попытаться сбежать, потом раздался щелчок замка, мой охранник толкнул меня вперед. Еще один

¹ Осторожно голову (ит.). – Здесь и далее примеч. ред.

щелчок. Непроизвольно я начала считать шаги, они включили свет, и теперь сквозь темную повязку я различала едва заметное свечение.

– Стой где стоишь! – приказал да Сильва. – Когда услышишь, что дверь закрылась, можешь снять повязку. Не раньше. Поняла?

С трудом, но я все-таки кивнула. Раздались шаги, скрип петель, дверь хлопнула, вспыхнула лампочка под потолком.

Комната напоминала гараж или сарай – бетонные стены, пыльный бетонный пол, ни одного окна. В углу валялся потрепанный голубой спальник, рядом стояли пластмассовый садовый стул и ведро. На спинке стула висела на удивление аккуратно сложенная мужская рубашка, а сверху – полотенце. Рядом со стулом обнаружилась фарфоровая тарелка в цветочек, а на ней – сэндвич и апельсин. Двухлитровая бутылка воды. Больше ничего. Несколько минут я простояла, прижавшись к стене и дрожа, прислушиваясь к малейшему шороху. Наконец, убедившись, что я в одиночестве, я, словно дикое животное, набросилась на сэндвич, проглотила его, практически не жуя, и выхлебала полбутылки воды, чтобы сухой хлеб и ветчина не так сильно царапали воспаленное от морской воды горло. Даже не помню, когда я ела в последний раз, – два дня назад? Доев все до последней крошки, я налила немного воды на ладони и смыла соль с лица, с трудом стянула с себя джинсы и надела рубашку. Апельсин решила оставить на потом, чтобы растянуть удовольствие.

Несколько кругов по бетонному полу, растяжка, чтобы оживить затекшее от бездействия тело, – вот и все развлечения на вечер. Подойдя к двери и прислушавшись, я не услышала ничего: ни щелканья зажигалки, ни разговоров вполголоса, ни шарканья ног. С внутренней стороны двери ручки не было, поэтому я толкнула ее ладонями, чтобы узнать, услышит ли меня кто-то. Совершенно неизвестно, где я нахожусь, но сейчас меня явно оставили одну. Медленно почистив апельсин и разделив его на дольки, я уселась на пол. *Если они собираются меня убить, то зачем оставлять мне еду? И кто такие «они»?* Полагаю, коллеги да Сильвы, вот только не в форме финансовой полиции. Меня не особенно радовала перспектива спать в мешке на полу, но тем не менее я забралась в него, согрелась и калачиком свернулась в углу. Голая лампочка под потолком освещала центр комнаты, оставляя тусклые тени по углам.

Из-за крайней степени усталости и перевозбуждения мозг работал в бешеном ритме, и мне никак не удавалось уснуть. Когда я наконец задремала, подсознание выдало мне нарезку из событий последних дней: падающий на пол моей венецианской квартиры скелет Элвина Спенсера, допрос у да Сильвы в участке, долгая, безмолвная поездка на машине через всю Италию. Проснувшись, я попыталась привести мысли в порядок, но, когда в дверь вошел Кэмерон Фицпатрик с охапкой окровавленных простыней, я поняла, что все еще сплю и вижу кошмар. Фицпатрик давно мертв. Кому знать, как не мне, ведь именно я убила его несколько лет назад в Риме. Потом мне приснился да Сильва. Черное небо, шлюпка плывет по морским волнам, но вскоре море превращается в ванну, холодная вода едва уловимо пахнет миндалем и мягко-мягко затягивает меня на дно...

Резко проснувшись от собственного храпа, я с трудом пошевелила онемевшими от сна на бетонном полу конечностями в монотонном свете лампочки. Сначала я даже не могла сообщить, сколько прошло времени – несколько минут или дней? Из-под двери виднелась узкая полоска света. Не вылезая из спальника и извиваясь, как гусеница, я подползла к двери, прихватила по дороге бутылку с водой и села.

Я думала, что веду свою игру, что сама устанавливаю правила. Однако моя игра оказалась лишь частью чужой игры, огромной сети, которую начали плести задолго до меня, и теперь эта невидимая паутина облепила меня, лишая возможности двигаться.

С трудом заставив себя выбраться из спальника и встряхнуться, я попыталась сосредоточиться. Раздалось едва слышное шуршание, и я вздрогнула – крыса? Черт, а вдруг скорпион?!

Но это оказался банальный жук размером с мой большой палец, он тупо бился жирными, маслянистыми надкрыльями о бетонные стены. Мне показалось, что я наблюдала за ним несколько часов, прежде чем он наконец упал на пол, перевернувшись на спину, беспомощно и жалко засучил лапками, а потом, кажется, умер. Я осторожно дотронулась до жестких надкрыльев – ничего. Почему-то эта история взбудорила меня. Взяв обрывок обертки от сэндвича, я подхватила жука и положила его на пол в центре комнаты. Потом порвала на мелкие кусочки кожуру апельсина. После морской воды мои волосы напоминали мочалку, я долго пыталась оторвать один из колтунов, наконец у меня в руках оказалась прядь волос, и я обвязала ею один из кусочков кожуры. Так, это у нас будет Джудит. Я положила конструкцию рядом с жуком, которому предназначалась роль да Сильвы. Ромеро да Сильва. *Который следил за каждым моим шагом с самого начала.* Да Сильва – полицейский. Да Сильва работает на мафию. Он привез меня в Калабрию. Зачем? Я принялась выкладывать кусочки кожуры вокруг жука, словно цифры на циферблате часов. На каждом кусочке я выцарапывала ногтем инициалы. Вот Руперт, мой бывший шеф, глава лондонского аукционного дома «Британские картины», где я когда-то была девочкой на побегушках. А вот – я выцарапала очередную руну – арт-дилер Кэмерон Фицпатрик. Руперт и Фицпатрик собирались нагреть нашу контору на приличную сумму, продав с молотка подделку – картину, которую я украла после того, как Руперт уволил меня, а я убила Фицпатрика. Руну «Ф» я убрала из круга. Фицпатрик работал с человеком по фамилии Монкада и торговал поддельными картинами через итальянский банк-посредник. Пошли дальше: рядом с кусочком кожуры с буквой «М» появился следующий игрок. Клере. Рено Клере. Полицейский, коллега да Сильвы. Клере я убила, поэтому легким щелчком пальцев я убрала из круга и этот кусочек.

Что дальше? Мозг заработал четко, пытаюсь решить поставленную задачу. Я переехала в Венецию, сменив личность. Джудит Рэшли исчезла, превратившись в Элизабет Тирлинк, куратора и владелицу галереи «Джентилески». Осторожно вытащив нитку из моей начавшей подгнивать футболки, я повязала ее на кожуру «Джудит». Следующий: «К», Казбич. Монкада вел дела с Казбичем и его боссом Баленски. Следующий кусочек. Эта парочка отмывала на арт-рынке деньги, полученные с продажи оружия. Монкаду и Баленски я из круга убрала. Оба мертвы. Какая жалость! Кто же остается?

Перышко из спального мешка озаменовало появление на сцене новой фигуры: Ермолов. Павел Ермолов, состоятельный русский коллекционер и ценитель искусства. Казбич пытался продать ему Караваджо. Точнее, картину, которую он выдавал за Караваджо. Мы с Ермоловым раскусили его план и вывели на чистую воду Казбича, Монкаду и Баленски. Ермолова я оставила в кругу. Чего я никак не могла понять, чего я совершенно не замечала, так это присутствия да Сильвы, следившего за мной все это время. Склонившись над тем, что со стороны показалось бы кучкой мусора, я бормотала себе под нос и, наверное, напоминала колдунью вуду. Так, дальше... «Э» – Элвин Спенсер. Элвин... оказался не в том месте и не в то время. Тусовщик из мира искусства, много связей в «Британских картинах». Стал совать нос не в свое дело, точнее – в мои дела. Поэтому его пришлось пустить в расход, только вот от улик почему-то я на этот раз избавиться не потрудились. Взяв в руки этот кусочек кожуры, я положила его рядом с трупом жука. Да Сильва разнюхал про Элвина и сделал вид, что собирается арестовать меня. Только вот арестовывать меня он не стал. Я легла и стала задумчиво разглядывать образовавшуюся на полу мозаику из артефактов.

Да Сильва хочет, чтобы я работала на него. Он сам сказал мне об этом на пляже. А если я откажусь? Вероятно, здесь от меня избавиться будет легче, чем в Венеции. Разумеется, у да Сильвы есть друзья, есть связи – люди, которые привезли меня сюда, где бы я сейчас ни находилась. Мафия. Ноги меня все еще слушались с трудом, поэтому, перекатившись на другой бок, я подползла к коже и расположила обрывки вокруг жука в другом порядке. Монкада – мафиози, Казбич и Баленски тоже имели связи с мафией. Да Сильва – вот недостающее звено!

Звучит безумно, но я почему-то подвинула всех апельсиновых человечков поближе к жуку, напоминая себе ребенка, играющего с фигурками из лего.

О мафии я знала довольно много, несмотря на то что многие влиятельные люди в Италии продолжали упорно отрицать сам факт ее существования. Всего лишь лет двадцать назад или около того архиепископа Палермо допросили на суде против нескольких крупных мафиози. Когда прокурор задал ему вопрос, что такое мафия, епископ ответил, что, насколько ему известно, это такая марка стирального порошка. Сицилийская церковь, как выяснилось позднее, имела тесные связи с боссами «Коза Ностры». Такое официальное отрицание самого факта существования организованной преступности говорило о том, насколько глубоко мафия интегрирована с государством. Если можно купить архиепископа, почему не купить полицейского? Это вполне объясняло ту легкость, с которой да Сильве удалось незаметно доставить меня сюда, но, с другой стороны, если у него такие связи, то кто же тот человек на пляже? Наемник, чье тело морское течение неспешно несет к побережью Апулии? В этот момент у меня наступило затопление от переизбытка информация, и я снова уснула – на этот раз глубоким сном. Проснувшись, я сразу заметила, что полоска света из-под двери исчезла.

Я лежала на боку, подложив под голову спальник. Видимо, снова вырубилась. Стало еще холоднее. Ночь. Ощущение более плотной, более мягкой тишины в невидимом мире за стенами моей тюрьмы. Я опять принялась разглядывать построенную на полу модель, которая имела смысл для меня одной. За пределами круга на полу валялся кусочек хлеба. Взяв хлеб двумя пальцами, я стала перекатывать его туда-сюда, пока он не стал мягким, а потом слепила из мякиша крошечную голову и тельце. Кэтрин. Моя сестра Кэтрин.

В полицейском участке в Венеции я призналась в убийстве Элвина Спенсера. А что еще мне оставалось делать, если его труп сидел в кресле в моей собственной квартире? Не успела я избавиться от трупа и замести следы. Когда да Сильва спросил меня, почему я этого не сделала, почему-то я не смогла думать ни о чем, кроме моей маленькой сестренки Кэтрин, которая умерла. В ванне, пахнувшей миндалем.

Я никогда не думала о Кэтрин. Просто не могла себе этого позволить. Потому что воспоминания затягивали меня в мутный, маслянистый водоворот. Ты знаешь, что ты сделала. Но ты же не виновата? Правда ведь не виновата? Это мама во всем виновата.

Второпях я собрала всю импровизированную мозаику, прихрамывая, отошла в противоположный угол комнаты и выбросила все в ведро с мочой, где этому мусору и было место. Жук предательски всплыл на поверхность.

Не знаю точно, сколько времени я провела в одиночестве, но думаю, что-то около трех дней. Во второй раз я проснулась от громкого стука в дверь. Голос – кажется, это был Вонючка – на ярко выраженном диалекте итальянского громко приказал мне встать в угол, отвернуться лицом к стене и надеть на глаза повязку. Я поспешила сделать все, как он сказал. Один за другим со скрипом отодвинулись три засова, и охранник вошел в комнату, молча направился в дальний угол, что-то поставил на пол, потом послышался тихий плеск – он взял ведро, и тут я обрадовалась, ведь для него это наверняка была унижительная работа. Дверь открылась и снова закрылась, но я изо всех сил пыталась различить хоть какой-то запах: выхлопные газы, оливковые листья, возможно, удобрения или даже запах хлеба – что угодно, что могло бы подсказать мне, где я нахожусь. Тщетно. Здесь пахло только пылью. Замки снова защелкнулись, затем голос произнес, что я могу снять повязку. Я бросилась к двери, прислушалась к замирающим в тишине шагам, а потом к едва уловимому звуку отъезжающей машины.

Мой паек, как оказалось, состоял из еще одной бутылки воды, упаковки влажных салфеток, еще одного сэндвича с ветчиной, упаковки шоколадного печенья, маленького полотенца с бахромой, банана и клубничного йогурта. Ложка мне не полагалась. Я помылась как смогла,

а потом натянула влажные джинсы, от которых уже начало пахнуть плесенью. Завернувшись в спальник, я медленно ела, осознанно наслаждаясь каждым кусочком пищи. Неплохо было бы покурить, но, с другой стороны, чистка организму тоже не помешает. После еды я вытерла зубы влажной салфеткой и шершавой внутренней стороной кожурь банана.

Точно такой же ритуал повторился на следующий день. Какое-то время я ходила кругами по комнате, делала отжимания и выпрыгивания из положения лежа, чтобы не замерзнуть, а потом в деталях планировала побег. Пластиковый стаканчик из-под йогурта, конечно, мне особо не поможет, но можно попробовать спрятаться за дверь, плеснуть мочой из ведра в лицо Вонючке и сбежать, пока он будет утираться. Судя по звуку шагов, он шел вниз, а потом налево, к машине, значит можно попробовать побежать направо – вот только куда? Даже если у Вонючки нет оружия, откуда мне знать, что, кроме него, тут никого нет? К тому же у меня не было обуви: кеды, которые я надела еще в Венеции, утонули в море. Если этот сарай, или как его там, находится в глуши, а судя по тишине, так оно и есть, недалеко я уйду по пересеченной местности от как минимум одного мужчины, которого предварительно искупаю в дерьме. Может, придушить Вонючку повязкой? Такой фокус я уже пробовала, но охранник сильнее меня, а врасплох мне его застать не удастся. К тому же в отличие от Элвина Спенсера, погибшего от удушения в моей ванне в Венеции, Вонючка явно был профессионалом.

Есть еще один вариант: встретить Вонючку голышом и предложить ему потрахаться в обмен на свободу. Зеркала у меня под рукой не было, но что-то подсказывало мне: сейчас я не очень-то похожа на жрицу любви. Хотя если ему очень хочется секса, заткнет нос или потерпит, ничего страшного, к тому же Вонючка и сам, кажется, не очень-то следил за личной гигиеной. Однако, даже если я очень расстраюсь, вряд ли он будет в таком восторге от моей дырки, что рискнет обмануть да Сильву и отпустить меня. План занимательный, но дерьмовый. Если бы да Сильва хотел меня убить, то уже сделал бы это. Кажется, он что-то говорил про работу... Значит, у меня есть что-то, что ему нужно, что-то, что я могу сделать, хотя ценность моей работы пока что измеряется только в сэндвичах и бананах.

Поскольку я всегда верила в то, что счастливой быть необязательно, а вот хорошо проводить время – это важно, я на удивление мало протестовала против своего заключения. Бояться мне было нечего, поэтому страх мне не помогал, и я просто приняла решение не чувствовать его. Часы тянулись долго, но, поскольку никаких нештатных ситуаций не возникало, я впадала в полугипнотическое состояние, которое усиливалось с каждым часом, – приятный ступор, можно даже сказать, покой. Я спала, делала упражнения, повторяла русские глаголы, а в остальное время думала о картинах. Есть много историй об узниках тюрем, которые читают вслух стихи или отрывки из Библии, чтобы не сойти с ума, я же отправлялась на воображаемые прогулки по Лондонской национальной галерее – там я впервые увидела настоящие картины. Чаще остальных я вспоминала одно полотно: «Авеню в Шантильи» Сезанна. Я видела этот пейзаж много раз, композиция в зеленых тонах, обычная лесная тропинка, перегороженная деревянной перекладиной, пыльная земля под ногами, а на заднем плане низкие белые строения и ярко-оранжевый шар то ли восходящего, то ли заходящего солнца. На первый взгляд картина излучает покой и может даже показаться безэмоциональной, но потом замечаешь, с каким озорством автор передает игру света. Кажется, что листья будто бы дрожат от твоего дыхания. Такие неподвижные и такие невероятно живые.

2

Однажды дверь открылась, и я, как всегда, послушно отошла в угол, ожидая, что Вонючка поставит на пол очередной кулинарный шедевр, но тут на пороге появился да Сильва. То ли его «каракал» выжил после наших морских приключений, то ли он целился в меня уже из нового пистолета. От звука знакомого голоса я вздрогнула.

– Можешь выйти.

После долгого пребывания в искусственном освещении цвета зимнего пейзажа показались мне яркими, как картины Кандинского, и буквально ослепили меня, пока я на ощупь пробиралась наружу: невозможно яркое сочетание зеленого и золотистого, голубого и серого ожидало меня в лучах зимнего солнца у каменистой лощины, поросшей хилыми дубками и низким кустарником. Резкий запах мирта, перегноя, сосен. Да Сильва снова был в форме, от него пахло гелем для душа и одеколоном. На фоне этого я особенно болезненно воспринимала собственный запах изо рта и немытые, жирные волосы. Вонючки поблизости не было. Да Сильва протянул мне пластиковый пакет:

– Счастливого Рождества! Иди приведи себя в порядок.

Только выйдя на свежий воздух, я поняла, как душно и затхло было в моей тюрьме, которая на поверку оказалась бараклом из шлакоблоков – чем-то вроде склада, рядом с которым в углу грязного двора ржавело какое-то сельскохозяйственное оборудование. По ощущениям, мы были где-то в горах. Да Сильва не спускал меня с прицела. В пакете я обнаружила воду, влажные салфетки, зубную щетку и пасту, мыло, дезодорант и щетку для волос. Стащив с себя грязные джинсы и футболку, я начала отмываться, и мне было совершенно наплевать, смотрит ли на меня да Сильва. С волосами сейчас ничего особо сделать не получится, но вот почистить зубы и нормально помыться, пусть и холодной минералкой, – это просто чудесно!

– Не совсем то, к чему ты привыкла, – сухо добавил итальянец, протягивая мне темносиние спортивные брюки, белую хлопковую рубашку, блестящий пуховик, нижнее белье из супермаркета и воистину жуткие лоферы из бордового козла. – Мне пришлось выбирать на глаз. К тому же сейчас праздники и почти все магазины закрыты, – добавил он, впрочем, без особых угрызений совести.

– Все отлично. И убери уже пушку, она не понадобится.

– Не уверен. Ты закончила? Пошли! Надевай повязку!

Он взял меня за локоть и вывел наружу, приставив заряженный пистолет прямо к моему ровно бившемуся сердцу. Удивительное существо человек, ко всему привыкает. Осторожно ступая по наклонной поверхности, я вдруг ощутила странное чувство потери, как будто я уже скучала по своей камере-одиночке. Мы остановились, да Сильва повернулся ко мне и снял повязку.

– Ого!

Мы стояли на кое-как залитой бетоном дорожке на вершине скалы. Отсюда открывался потрясающий вид на много километров: сначала крутые, поросшие густым лесом холмы, потом бескрайняя равнина и наконец яркое пятно моря, окаймленное серебристыми лентами пляжей.

– Какая красота!

До этого момента Калабрия казалась мне какой-то помойкой, но отсюда автобаны и недостроенные бетонные чудовища были не видны, а мои глаза изголодались по прекрасному.

– Я родом оттуда, – показал налево да Сильва, – из Сидерно.

– И мы поедем туда?

– Возможно. Сначала нам надо кое-куда заехать. Садись в машину, – коротко ответил он, и я снова ощутила тайный поцелуй дула пистолета в районе ребер. *Он не должен заметить, что ты напугана!*

– О-о-о, ничего себе! Инспектор, а мы с мигалкой поедem?

– Заткнись!

– А я бы поболтала. Мне, знаешь ли, было немного одиноко! Ты сколько дней меня взаперти продержал?

– Не трать порох. Вот, посмотри, пока едем.

Надев на меня наручники и пристегнув ремень, он дал мне телефон. Я подождала, когда машина тронется по крутой, ведущей вниз дороге и выедет на трассу, а потом кивнула в сторону лежавшего на коленях телефона. Оставив одну руку на руле, другой рукой да Сильва разблокировал экран, и я увидела фото седого мужчины. Крупный план, дырка в затылке, довольно много мозгов на воротнике, поэтому я не сразу поняла, кто это, но вот следующий снимок – лежащее ничком на столе тело и красная бархатная занавеска рядом – подтвердил мои подозрения. Тело принадлежало не кому иному, как Ивану Казбичу.

Я познакомилась с Казбичем в начале лета, когда он зашел в «Джентилески», мою галерею в Венеции, и предложил мне работу: оценку полотен из коллекции его клиента, русского коллекционера Павла Ермолова. Связь между да Сильвой и Казбичем – вот что я бесплодно искала последние несколько месяцев. Оценка коллекции оказалась лишь уловкой, на самом деле Казбич хотел надуть Ермолова, и вот результат – арт-дилера застрелили со спины, как предателя, в его же собственной галерее в Белграде. Ермолов говорил, что позаботится о нем.

Просмотрев еще несколько снимков мертвого тела, я сделала вид, что полностью потеряла интерес, чтобы да Сильва заметил это.

– Что скажешь?

– А что? Казбич мертв. Думаешь, мне есть до него дело? Думаешь, следующим будешь ты? – немного помолчав, спросила я. – Так вот что это был за снайпер на пляже...

– Продолжай, – с неподдельным интересом кивнул да Сильва.

– Вы с Казбичем занимаетесь, то есть занимались, торговлей оружием, используя предметы искусства в качестве прикрытия. Казбич попытался нагреть Ермолова на крупную сумму, и теперь Казбич мертв. Вопрос только в том... – Я осеклась, вспоминая ту кучку мусора, которую долго раскладывала, сидя в одиночестве. – Но зачем Казбичу деньги Ермолова? Потому что он оказался в долгах. И кредиторы стали терять терпение. А теперь выплачивать долг придется тебе.

– Умница!

Ужасно глупо, но я вдруг почувствовала себя прилежной ученицей, которая только что ответила урок на «отлично». Почему мне вообще приятно оттого, что да Сильва меня хвалит? У меня что, начался Стокгольмский синдром после пребывания в заложниках?

– Но кому же я должен? – спросил он. – Ну, если допустить, что в остальном ты права. Как думаешь, кто прислал мне эти фотографии?

– А почему меня должно это интересовать?

– Потому что это Дежан Разнатович.

– Ах вот оно что...

Разнатович – торговец оружием, редкий мерзавец. Я выследила его в Белграде и думала, что в общем-то мы прекрасно пообщались у него в кабинете, но, судя по тому парню с пушкой на пляже, видимо, он не был склонен к сантиментам даже после самого великолепного секса на свете.

– Значит, Разнатович послал за тобой нашего знакомого с винтовкой? Нет Казбича – нет денег?

– И да, и нет, – пожал плечами да Сильва. – Да, у нас с господином Разнатовичем возникло некоторое непонимание. Скажем так, мне срочно понадобилось встретиться с тобой в Венеции.

– Не такое уж и срочное дело, раз ты держал меня на диете *rapino*² три дня.

– Мне очень жаль. Но мне нужно было, чтобы ты осталась в живых.

– В живых?

– Ну, вся эта история с Разнатовичем... Потом все поймешь. Сейчас все наладилось. А теперь заткнись, будь добра, – сказал он на этот раз не грубо и предложил сигарету.

Я была готова убить за одну затяжку, но сигарету не взяла – ненавижу, когда в машине пахнет куревом, сразу вспоминаю о матери.

Дорога шла вдоль побережья, справа над морем светило солнце, слева тянулись бесконечные ряды пустых апартаментов для туристов и закрытых дисконт-центров. Лучи солнца отражались от воды, делая воздух слегка серебристым. Я жадно вдыхала морской воздух, наслаждаясь прохладой и ветерком, касавшимся моего чисто умытого лица. В целом мне было, можно сказать, неплохо. Всего несколько дней назад я думала, что мое заключение продлится намного дольше пары-тройки дней, к тому же прошло целых трое суток, а никто ни разу не попытался меня застрелить. Да, допустим: я безработная, бездомная и сижу в наручниках, но это означает лишь одно: хуже точно не будет! Как все-таки важно уметь мыслить позитивно!

Миновав Сидерно, мы проехали еще минут сорок. Каждые несколько сот метров нам попадались женщины, по одной или компаниями по две-три, стоящие на обочине. Почти все были африканки, в основном молодые, все как на подбор в ярких, обтягивающих мини-платьях или коротких шортиках и топах, несмотря на прохладный декабрь. Некоторые сидели на пластмассовых стульях, курили, болтали или пялились в телефон, другие покачивали бедрами и позировали для проезжающих мимо автомобилей, глядя в никуда. На одной девочке была красная атласная микро-юбка с оторочкой из белого искусственного меха и шапка Санта-Клауса.

– А откуда их столько?

Заморские проститутки – привычная картина на окраинах большинства итальянских городов, но я никогда не видела их в таком количестве.

– Дальше по шоссе есть лагерь, в Капо-Риццито.

Значит, все эти женщины – беженки. Приехали просить политического убежища. Да Сильва сбросил скорость и съехал на аварийную полосу.

– Выходи!

– Не уверена, что у меня правильный наряд для таких дел.

– Садись назад. Ты же арестована, забыла? Говорить ничего не надо.

Убрав пистолет в кобуру, он помог мне перебраться на заднее сиденье. Мы снова выехали на шоссе и через некоторое время добрались до ворот, которые охраняли двое полицейских в форме финансовой полиции. Они отдали честь, открыли ворота, и мы въехали на территорию, большую часть которой занимали коричневые офисные здания и взлетная полоса с потрепанным ветроуказателем. Там нас ожидал синий полицейский вертолет, и как только мы въехали на территорию, лопасти винта тут же начали вращаться. Кто-то из офицеров подбежал к машине, открыл да Сильве дверь, и они вдвоем посадили меня рядом с пилотом, который даже не посмотрел в мою сторону. Второй офицер надел на меня страховочные ремни, снял с меня наручники, и только после этого рядом со мной сел да Сильва. Офицер раздал всем наушники, а потом вручил пилоту и да Сильве какие-то бумаги, те расписались, и мы поднялись в воздух.

Мне хватило ума не задавать да Сильве вопросов о том, куда мы направляемся, хотя наушники были подключены к системе голосовой связи. Они с пилотом говорили, не обращая на меня внимания, но я слышала только приглушенное гудение двигателя. Мы летели над невысокими холмами вдоль линии побережья, потом вертолет набрал высоту и полетел над

² Сэндвич (*ит.*).

морем. Пытаясь избавиться от навязчивых мыслей, крутившихся у меня в голове, я старалась думать о чем-то веселом. Например, о моей подруге Карлотте, охотнице за женихами, которой наконец-то удалось отхватить престарелого миллиардера. Несколько раз Карлотта давала мне советы, на проверку оказавшиеся очень дельными, к примеру – всегда летать исключительно на частных самолетах.

Часов у меня не было, но, по ощущениям, полет длился около трех часов. Одна промежуточная посадка, кажется, на военной базе: там меня выгрузили из вертолета, надели наручники и отвели в туалет в сопровождении самодовольного молодого офицера. Он дожидался меня прямо у дверей кабинки, а потом, пока вертолет заправляли топливом, дал мне бутылку воды, которую я с наслаждением выпила. Поднявшись в воздух, мы какое-то время двигались на север вдоль линии побережья, а затем снова полетели над открытым морем, потом опять вернулись к матерiku, и пилот заговорил по радиосвязи, запрашивая посадку. Мы летели низко, над многоквартирными домами, балконами и спутниковыми антеннами, напоминавшими безумные дизайнерские шляпы, и в конце концов приземлились на крыше, помеченной огромной белой буквой «Н». Несколько человек в форме подбежали к вертолету, сильно пригибаясь, потому что лопасти винта все еще вращались довольно быстро. Да Сильва помог мне выйти и надел наручники, как только мои ноги коснулись земли. Опустив голову, я вошла в какое-то здание, спустилась на один пролет вниз, где выдавший виды, обшитый алюминием лифт доставил нас в подземный гараж; там уже ждал неприметный черный «БМВ» с водителем. Всю дорогу да Сильва молчал, а когда мы вместе сели на заднее сиденье, заговорил по-английски:

– Все в порядке? Не тошнит после вертолета?

– Я в порядке. Зачем ты привез меня в Албанию?

– А откуда ты знаешь, что мы в Албании?

– Ну как, сам подумай. Вылетели из Италии на восток. Максимальное расстояние без дозаправки у «Breda Nardi NH500» – двести шестьдесят три километра, поэтому пришлось совершить промежуточную посадку. Дальше Албании мы бы просто не долетели. К тому же ты говоришь по-английски, поскольку многие албанцы понимают итальянский, так что английский надежнее.

Да Сильва взглянул на меня с некоторым беспокойством, но я не собиралась доставлять ему удовольствие объяснениями. На самом деле я так много знала о вертолетах, которыми пользуется полиция, только потому, что, когда мне достался «каракал» точно такой же модели, как у да Сильвы, я всерьез изучила всю полицейскую экипировку. Подумала, что не помешает узнавать итальянских полицейских даже в штатском, по стандартному оборудованию, а у моей памяти есть такое свойство: вся информация застревает надолго. Я могла бы неплохо жить, участвуя в барных викторинах. Думаю, в свое время он объяснит мне, какого черта мы делаем в Албании, но уверена, что не по официальным полицейским делам, хотя да Сильва, по моим подсчетам, отсутствовал на службе уже довольно продолжительное время.

– Может, скажешь, где мы? – бодро спросила я.

– Место называется Дуррес, – ответил да Сильва, несколько расстроенный моими навыками, достойными комиссара Монтальбано. – Дай руки, – добавил он и снял наручники. – Они нам больше не понадобятся.

Может быть, мне показалось, но его пальцы на секунду дольше положенного задержались на внутренней стороне моих запястий, растирая отметины от наручников. Посмотрев в окно, я подумала, что по сравнению с Дурресом в низкий сезон Калабрия выглядит как Мюстик. Машина подпрыгивала на ухабах и ямах совершенно раздолбанной дороги, по тротуарам шли толпы женщин в поношенных нейлоновых бурнусах, толкавшие перед собой инвалидные кресла и тележки из супермаркетов, пробираясь между рядами с продуктами и канализационными стоками без люков. Еще здесь было невероятное количество бездомных собак, бесстрашно бросавшихся под колеса отчаянно дымящих машин. Несмотря на ясное зимнее

небо, было довольно пасмурно, тусклый свет пробивался между высотками, последние этажи которых скрывались в испарениях смога. Да Сильва не проявлял ни малейших признаков любопытства – он явно бывал здесь раньше – и даже бровью не повел, когда мы остановились на красный свет и в окно забарабанил попрошайка, чью наготу прикрывала лишь повязанная на плечи скатерть в цветочек. Водитель высунулся из окна и что-то крикнул ему, – кажется, речь шла о степени добродетельности матери этого господина, – и нищий тут же отошел от машины и поплелся дальше, едва передвигая ноги.

Наконец мы выехали из города и оказались на новехоньком автобанае, где движение было уже не такое интенсивное, но водители, казалось, считали, что все шесть полос предназначены для «Формулы-1». Я инстинктивно прикрыла глаза, когда нашу машину подрезала огромная фура, объехав нас буквально в последнюю секунду.

– Ненормальные, правда? – похлопал меня по плечу да Сильва. – А еще говорят, что итальянцы водят как сумасшедшие! Ты бы видела дорогу на Тирану, там вообще труп на трупе...

– Спасибо, успокоил!

Съехав с шоссе, мы оказались около огромной виллы персикового цвета. За огромными электрическими воротами с колючей проволокой сверху нас встретил вертлявый мужчина с круглым пузом под фиолетовой рубашкой с расстегнутым воротником и бежевым кашемировым джемпером. Быстрым шагом он по-деловому подошел к автомобилю и пространно поприветствовал да Сильву на итальянском. Они пожали друг другу руки, похлопали по плечу как старые знакомые, но во взгляде его припухших бесцветных глаз читалось беспокойство. Он помог мне выйти из машины, коротко кивнул, переглядываясь с да Сильвой, как будто решил, что я его девушка.

– Познакомься, это мисс Тирлинк, – произнес да Сильва, назвав меня именем, которое долгое время символизировало для меня жизнь моей мечты.

– Buongiorno, signorina, – официальным тоном отозвался мужчина.

Слава богу, нам не пришлось здороваться за руку! У него наверняка противные скользкие ладони, подумала я, глядя на его блестящий от пота лоб.

– Все готово? – коротко спросил да Сильва.

– Certo, certo, tutto a posto!³

В уголках рта мужчины выступила белая пена. Он явно был не на шутку встревожен. Да Сильва что-то сказал водителю, машина тронулась и исчезла за домом. Втроем мы пошли в ту же сторону по изысканной мощеной дорожке и оказались в большом дворе, обнесенном бетонными стенами. В углу двора стояли детские качели, в центре – фонтан с пластиковым лебедем. В остальном в качестве декоративных элементов использовались разные старые «мерседесы», пластмассовый столик и стулья, а еще стоящий на коленях мужчина, которому заламывали руки двое бритых налысо типов в джинсах и татуировках. Увидев да Сильву, мужчина закричал, стал о чем-то его умолять, пытаясь объяснить по-итальянски, что произошла ошибка, что он ни в чем не виноват, что он никогда бы... Как будто пытался криком растянуть время. Я так и не узнала, чего он никогда бы не сделал, потому что да Сильва быстро прошел мимо меня, на ходу достал пистолет и три раза выстрелил мужчине в грудь.

Встречавший нас рьяно перекрестился и кивнул да Сильве. Громилы с мрачными лицами подхватили тело, из которого хлестала кровь: сердце всегда бьется еще несколько секунд после смерти мозга. Меня слегка затошнило от металлического запаха крови и пороха, оставшегося на руке да Сильвы. Он повел меня к дому с таким выражением лица, как будто только что просто отряхнул пыль с форменных брюк.

И вдруг я почувствовала едва ощутимое, невидимое притяжение. *Мы с тобой похожи.* На долю секунды, не произнося ни слова, мы оба поняли это.

³ Конечно, конечно, все в порядке (ит.).

Оглянувшись, я увидела, что громилы погрузили труп в просторный багажник одной из машин. С другой стороны ко мне подошел встретивший нас скользкий тип. Его одутловатое лицо было бледным и потным, казалось, его вот-вот вырвет, но тем не менее он выдавил из себя улыбку.

– Прошу вас, *signorina*, – хрипло пробормотал он, – пройдемте! Обед готов!

3

– Я не голодна, – отозвалась я, хотя на самом деле умираю от голода.

Вчера я съела какой-то засохший рапано, и с тех пор во рту не было и маковой росинки, но наша увеселительная прогулка уже начала меня утомлять. Удивительно, но несмотря на то, что произошло во дворе, я почему-то совершенно перестала бояться да Сильву. Казалось, страх испарился вместе с запахом пороха от девятимиллиметровой пули. Да и трупов я повидала достаточно. Если да Сильва и правда знал о моей жизни так много, как утверждал, то ему стоило приложить больше усилий, чтобы шокировать меня. Я уже стала раздражаться, что он таскает меня за собой, словно ценную бандероль, и хотела поскорее понять, чего ему от меня надо, сделать это, и пусть уже проваливается – на хрен! – из остатков того, что когда-то было моей жизнью. Сбросив с себя их руки, я повернулась к да Сильве.

– Инспектор, что вам от меня нужно? – спросила я по-английски. – Просто объясни, что вы хотите. Ваш гостеприимный друг меня совершенно не интересует, равно как и этот небольшой спектакль, который ты только что устроил. Понятно? Просто скажи, что тебе надо.

– Ладно, – пожал плечами да Сильва. – Я просто думал, что ты проголодалась. Раз нет, тогда пойдем со мной.

– Никуда я не пойду. Думал напугать меня этой ерундой?

Хозяин нервно суетился, раскладывая приборы на троих за большим столом из резного красного дерева со стеклянной столешницей, и делал вид, что не слышит нашего разговора. Собравшись с духом, я заговорила потише:

– Ты же привез меня в такую даль не в качестве свидетеля. Что это было?

Да Сильва выглядел слегка утомленным, но довольным, и мне невыносимо сильно захотелось сломать его симпатичный нос.

– Эта сцена была рассчитана не на тебя. Это было послание, и оно тебя не касается. А теперь, может, уже пойдешь со мной? Господин Разнатович весь день ждать не будет!

– Он здесь?!

– Ну, ты же сама сказала: я тебя привез в такую даль не для того, чтобы ты посмотрела, как я застрелю человека. Пойдем!

Вытянутой формы комнаты виллы были обставлены ужасающими подделками под антиквариат, а вот бетонным полом и жутковатым двориком дизайнеры заняться не удосужились. Да Сильва провел меня мимо стола в гостиной, где на стене висел огромный плоский телевизор, потом вверх в комнату, которая, видимо, задумывалась как спальня, но сейчас в ней не было ничего, кроме трех складных стульев, на один из которых взгромоздилось огромное тело Дежана Разнатовича.

Я остро осознавала три вещи: в комнате было очень холодно, прическа у меня жуткая, а Разнатович мог бы сломать мне позвоночник одной рукой, даже не вставая со стула.

– Полагаю, вы знакомы, – сострил да Сильва.

Мрачно взглянув на него, я села напротив Разнатовича. Наша последняя встреча с сербом была слишком короткой, чтобы называть его любовником, но, когда я увидела грубо высеченные черты его лица и невероятной ширины плечи, должна признать, во мне шевельнулось желание. Крайне одаренный мужчина. Нельзя сказать, чтобы он обрадовался, увидев меня. С другой стороны, подумала я, если бы он совсем не хотел увидеть меня, то не стал бы рисковать, приезжая сюда, ведь практически во всех европейских странах имелся ордер на его арест. Мог бы просто приказать убить меня, как того неудачника во дворе.

– Мисс Тирлинк, – произнес он.

– И снова здравствуй, Дежан. По-моему, я говорила, что ты можешь называть меня Джудит.

– Пусть будет Джудит. Перейдем сразу к делу? В Белграде ты обманула меня. Я передал твое сообщение Ивану Казбичу с условием, что ты вернешь некий предмет, и ты пообещала сделать это. Ты сказала, что передача будет осуществлена в Швейцарии. Однако, судя по всему, господина Казбича больше нет с нами, а некий предмет бесследно пропал. Где он?

«Предмет», о котором шла речь, представлял собой набросок на льняном холсте, якобы работы Караваджо. Казбич пытался продать его Павлу Ермолову, но я помешала этой сделке. Похоже, у меня талант срывать сделки.

– Можно сказать, что я его оставила. По крайней мере, то, что от него осталось. Это была дешевая подделка, и ты наверняка прекрасно знаешь это.

– Разумеется. Однако она была очень полезной. Из-за тебя у меня много проблем. На самом деле, если бы не наш друг-инспектор, – Разнатович перевел взгляд на сидевшего рядом со мной да Сильву, – то тебя ждала бы такая же судьба, как господина Казбича. Однако у инспектора появилась идея получше.

– Что вам от меня нужно? – в очередной раз спросила я, уже начиная уставать от этого вопроса.

– Когда... предмет пропал, я поговорил с господином да Сильвой. Он знал о тебе некоторые подробности, которые мне были неизвестны, однако затем мы приняли решение... как правильно, совместное? Совместное решение, что ты сможешь помочь нам разрешить возникший между нами конфликт.

– Ну да, ну да. А если я откажусь – вы меня убьете. Ничего нового.

Вообще-то, умирать мне не хотелось. С другой стороны, провести остаток жизни, искупая грехи и помогая прокаженным, тоже не очень хотелось. Умирать не хотелось точно. Однако, поскольку я все еще была жива, я понимала, что со мной ничего не сделают. По крайней мере, пока. Они просто пытаются припугнуть меня. А я не люблю, когда со мной так себя ведут.

– Разумеется, – кивнул Дежан, – но не сразу. Сначала убьем твою мать. Пожалуйста, покажи ей фотографии.

Да Сильва достал телефон, нашел нужные снимки и протянул мне. И правда, моя мама. Вот мама идет в паб рядом с нашей старой квартирой. Наверное, стоит порадоваться, что они сфотографировали ее по пути туда, а не по пути обратно. Мама с тележкой идет по супермаркету. На ней куртка, которую я прислала ей из Италии на день рождения в прошлом году, – темно-синий бушлат из вошеного холста от «Макс Мары». Я точно знала: подарок ей не понравится, но надеялась, что в нем она будет выглядеть поприличнее. Странно, что она вообще стала его носить. Последний снимок был сделан через окно кафе – мама выглядит счастливой, пьет капучино со своей подругой Мэнди. Я так и не смогла смириться с тем, что теперь капучино есть даже в Ливерпуле. Вместо бушлата на ней полушубок из искусственного меха, для погоды похолоднее, но на случай, если бы у меня возникли сомнения в том, когда сделана фотография, агент Дежана сфотографировал рядом с мамой выпуск газеты «Миррор» за вчерашний день. Плавным движением я дотронулась до экрана и посмотрела в мрачные, темные глаза Разнатовича. За последнее время мне несколько раз приходилось смотреть прямо в дуло пистолета, но этот взгляд был куда страшнее. Мне захотелось сказать себе: надо не подавать виду, будто я боюсь, но тут я с удивлением обнаружила, что, вообще-то, не боюсь. Тут Дежан просчитался. За исключением жизни, я уже давно потеряла все, что могла.

– Итак, я знаю, что вы можете до нее добраться. У тебя есть свои люди в Англии. И что дальше? Ничего нового, я же говорю. Мне действительно все равно. Хотите убить мою мать – вперед.

Да Сильва удивленно крикнул. Для итальянцев мать – это святое. Даже по лицу Разнатовича пробежала тень изумления.

– В таком случае есть два момента, – продолжила я. – Полагаю, парень с винтовкой, которого несколько дней назад мы встретили на пляже, тоже один из твоих, так, Дежан? Потому что

тебе нужны деньги за тот самый «предмет», который упустил наш итальянский друг? Поэтому да Сильва спрятал меня подальше от тебя, пока ты не решишь нужные вопросы? – Разнатович медленно кивнул. Я повернулась к да Сильве и продолжила: – Парень во дворе, второй труп? Это он организовал нападение на пляже? Поэтому тебе пришлось избавиться от него, чтобы доказать всей вашей банде, что вы снова живете душа в душу? «Послание»? Акт веры в вашу новообетенную коллективную выгоду?

Мужчины пораженно смотрели на меня. Дежан открыл было рот, но я презрительно отмахнулась от него, и, должна признаться, сделала это с удовольствием.

– Мне, если честно, вообще непонятно, зачем вам нужен весь этот цирк. Вся эта хрень омертв старомодна до невозможности. Вам что, больше заняться нечем? Ну и вся эта впечатляющая история с моей мамой... Ладно, это уж как вам нравится. Парню во дворе просто не повезло. Я так понимаю, вам нужно, чтобы я организовала замену вашему «предмету», так? Думаете, что я смогу сделать это за вас?

– Но detto che e brava, – пробормотал да Сильва. – Хороша, я же говорил...

– Да, ты права, – чуть более мягким голосом отозвался Разнатович.

– Мой ответ – да. Как я уже сказала, мне плевать, что вы сделаете с моей матерью. Но я согласна. Сделаю, что смогу. Но давайте больше без цирковых представлений, ладно? Будем вести себя как деловые люди, договорились?

Я отчаянно надеялась, что они поверят в мою бравату. Если мне удастся убедить их в том, что я не воспринимаю их всерьез, то смогу выиграть время и понять, что именно им нужно. И тогда, вполне возможно, у меня появится шанс уйти из этого места на своих двоих. К тому же небольшой спектакль отвлек меня от сильных рвотных позывов, грозивших вконец испортить мою и без того ужасную куртку. Я прекрасно знала, что эти мужчины могут сделать со мной. Поэтому, увидев, что Дежан улыбается, я испытала невероятное облегчение.

– Джудит, помнишь, что я тебе сказал, когда ты была у меня в гостях в Белграде?

– Что я очень смелая. И глупая.

– Точно. Но я согласен с тобой: цирк, как ты это называешь, можно опустить.

– Итак, какое решение проблемы вы предлагаете?

– Когда ты отыскивала меня в Белграде, то предложила купить произведение искусства. Подозреваю, это был не подлинник, что ты его... сфабриковала. Так?

– Ну мне просто очень надо было с тобой познакомиться.

– Как думаешь, ты сможешь создать еще одно?

Произведение искусства, которое я показала Дежану, представляло собой всего-навсего несколько фотографий, монтаж из снимков венецианской иконы и довольно жутковатых творений современных художников. Такой работы никогда не существовало, я просто использовала фотографии в качестве приманки, не более того.

– Я разбираюсь в картинах, – помедлив, сказала я, – и довольно неплохо. Но я не умею писать картины, я же не художник.

– У моего коллеги есть люди, которые воплотят твой замысел.

– Да уж догадываюсь...

– Давай без излишнего сарказма. Ты и так потратила много моего времени впустую. Твоя задача – изобрести картину, автора, провенанс. Это должно быть нечто потрясающее. Потрясающе ценное. Поняла меня?

– Да-а-а-а.

– Итак, как думаешь, ты справишься?

– Почему я? Вы же ребята серьезные, у вас наверняка целая команда арт-дилеров такими нелегальными штуками занимается?

– Ну, вообще-то, нет, – помолчав, отозвался да Сильва.

Казбич, Монкада, Фицпатрик... мертвы. О чем тут говорить, все и так ясно. Все остальные кандидаты на эту вакансию отправились в мир иной.

– Когда между мной и господином Разнатовичем возникло некоторое... непонимание, я подумал о тебе. У тебя есть своя галерея. Ты на деле доказала, что можешь отличить подделку от оригинала. Ты хорошо работаешь с обработкой информации. Я наблюдаю за тобой уже давно, не забывай. И сейчас у нас нет надежного дилера, именно в тот момент, когда он нам очень нужен.

– Мне потребуется время, – обратилась я к Разнатовичу. – Возможно, немало времени. Нужно провести исследование, поговорить с теми, кто будет создавать картину. Но если ты готов обеспечить меня всем необходимым, то я согласна.

Я снова взглянула в его ленивые, спокойные глаза. Впервые с того момента, когда ко мне подошел Казбич и попросил проконсультировать Ермолова по поводу его коллекции, я ощутила настоящую радость. Ведь я уже начала думать, что никогда не увижу настоящую картину – разве что иллюстрации в книге из тюремной библиотеки, и тут меня просят создать собственную подделку. Самой! Серьезную картину! Хотя я не сразу поняла свою реакцию, ведь я всегда ратовала за честность в искусстве. Если бы да Сильва сделал мне такое предложение, когда я работала стажером в «Британских картинах», то пришла бы в праведную ярость и отказалась. Но, пожив жизнью Элизабет Тирлинк, я преисполнилась презрения к этому миру, к его позерству, снобизму, продажности. Я, конечно, люблю картины, но с какой радости я должна любить людей, которые их продают? И к тому же... Внезапно я чуть не расхохоталась во весь голос, но взяла себя в руки и сказала:

– погоди, давай-ка разберемся! Ты, – я кивнула да Сильве, – или как минимум твоя «семья» – вы же до сих пор так себя называете? Ты задолжал ему хренову кучу денег. Так за какую сумму должна уйти эта картина?

– За сотню, – ответил за итальянца Дежан, не став уточнять, что речь идет о ста миллионах.

– То есть, вообще-то, волноваться нужно не мне?

– Можно сказать и так.

– Хорошо. Значит, мы поступим вот как: я согласна, – повторила я. – Если вы дадите мне все необходимое, я справлюсь. Но с одним условием: продажа не покупателю напрямую, а через аукцион. И мы поделим пополам все излишки, которые останутся после уплаты долга.

– А ты самоуверенна!

– Без сомнений, господа! – Я всегда хотела сказать эту фразу. – И без глупостей. Теперь мы партнеры. Коллектив, если угодно. Договорились?

– Что ж, хорошо, – помедлив, кивнул Дежан. – Вы согласны, инспектор? – повернулся он к да Сильве, и тот кивнул.

– Если у меня не получится, ты сможешь убить нас обоих. – Я взглянула на Дежана. – Так, Ромеро?

– Отличное решение! Прошу прощения, но боюсь, я не смогу присоединиться к вам за обедом, надеюсь, вы отнесетесь к этому с пониманием. Мне нужно вернуться в Белград. Раз ты согласна, инспектор познакомит тебя с твоим ассистентом. Мы обеспечим тебя всем необходимым.

– И еще: я кое-что оставила в старой квартире в Венеции. Надо там прибраться. Господин да Сильва наверняка сможет обо всем позаботиться, но это должно быть сделано в ближайшее время.

– Что скажете, инспектор?

– Без проблем, – кивнул да Сильва.

Дежан встал, чуть не задев головой потолок:

– Подожди минутку, какой у нас бюджет?

– Бюджет? – с аристократическим удивлением спросил да Сильва. – Такой, какой тебе потребуется, разумеется. Мне очень любопытно посмотреть, что у тебя получится, – с расставкой произнес он, давая понять, что разговор окончен.

Да Сильва быстро вывел меня из комнаты в этих страшных спортивных штанах и дешевых лоферах. Хорошо бы избавиться не только от трупа в моей венецианской квартире, но и от этого жуткого наряда, раз уж мы теперь партнеры. Дверь спальни хлопнула. Должна признаться, меня немножко задело, что Дежан даже не попрощался со мной.

Да Сильва проводил меня в столовую. Тревожный человечек уже поставил на стол салат, хлеб и блюдо с морщинистыми колбасками злобного вида. Я соорудила себе очередной сэндвич и проглотила его в один присест.

– Надеюсь, десерт мне полагается? В той дыре, где ты меня держал, кормили так себе, если ты не в курсе.

Да Сильва вел себя за столом куда приличнее меня и аккуратно очищал кусочек огурца:

– А ты серьезно насчет матери?

– Почему ты спрашиваешь? Думаешь, если я окажусь бесчувственной маньячкой, то ты не будешь выглядеть таким маменькиным сынком?

– А ты всегда так много болтаешь? – спросил да Сильва, потирая нос – красивый, породистый нос. – Слушай, ну как тебе объяснить. То, что мы будем делать, – здесь дело не в деньгах. Просто есть определенные правила, кодекс, что ли. Ты сама знаешь, господин Разнатович – очень богатый человек. Но если люди узнают, что ему не заплатили причитающееся, то мы будем выглядеть странно, более того, нас сочтут слабаками. А это очень плохо для бизнеса.

– Проявление силы? Устроить какой-нибудь спектакль?

– Большинство людей назвали бы это иначе. Люди господина Разнатовича часто работают между Албанией и Италией. Один из них испытал ненужный прилив энтузиазма, узнав о возникшем между нами непонимании. Мы пришли к общему мнению, что на его примере следует преподать четкий... урок его коллегам. К тому же господину Разнатовичу было удобно встретиться с тобой лично именно в Албании. Он ясно дал это понять.

– Что ж, понятно, – откликнулась я, накалывая на вилку бледный помидор.

– Так... что насчет твоей матери?

– Ты в школе Данте проходил? Наверняка проходил, ты же итальянец!

– Не особенно интересуюсь поэзией.

– Так вот, в «Аду» Данте отводит девятый круг для тех, кто совершил предательство. Своего рода VIP-зона для людей, которые предали тех, кто их любил и доверял им.

Да Сильва посмотрел на меня так же, как в тот момент, когда я начала рассуждать об устройстве вертолетов.

– Твоя мать предала тебя? – медленно спросил он.

Как я могла рассказать кому-то о своей матери? Тем более да Сильве?

– Не будем об этом. Моя мать – алкоголичка. Ей всегда было не до меня, она обо мне никогда не заботилась. Почему я должна чувствовать себя в долгу перед ней?

– Мне... мне жаль.

– Неправда. И вообще, у нас, кажется, полно работы? Мне куда интереснее узнать, какого хрена у вас тут происходит, чем вести разговоры о маме.

– Ты знаешь то, что тебе надо знать.

– Та-а-ак, погоди-ка! Мы же вроде как партнеры? Так сказал твой приятель Дежан, а он вроде как главный.

Мне пришла в голову идея, или даже, не побоюсь этого слова, у меня случился приступ вдохновения, и теперь мне не терпелось ее продумать, поэтому недавние сюрреалистические истории быстро отошли на второй план.

– Думаю, я бы покурила.

Так всегда бывает с изысканными наслаждениями: от первой затяжки меня чуть не стошнило, а вот дальше – сплошной экстаз.

– Итак, Ромеро, что дальше? Когда приступать?

– Ты сказала, что хочешь познакомиться с человеком, который сможет создать картину?

– Значит, едем обратно в Калабрию.

– С удовольствием.

Вообще-то, раньше я не верила в судьбу, но у нас с да Сильвой однозначно была какая-то похожая карма. Так много трупов, так много призраков. Похоже, что мы единственные, кто выжил во всей этой истории, так почему бы нам не попробовать стать друзьями?

4

Мое новое жилище оказалось значительно лучше дыры, где меня держали взаперти. Люкс для молодоженов в «Гранд-отеле Президент» в Сидерно – ни больше ни меньше. Мы приехали поздно вечером, и пострелы да Сильвы уже успели изрядно потрудиться. В номере я обнаружила не только сумку, в которую положила все самое необходимое, собранное еще в Венеции, когда решила, что мне светит доживать свой век в тюрьме, но и многие из моих вещей из квартиры на площади Санта-Маргерита, в том числе ноутбук, телефоны, украшения, одежду, нижнее белье, туалетные принадлежности, экипировку для занятий бегом, все мои книги по искусству. Я с удовольствием отметила, что они справились с искушением подложить в мои вещи избранные фрагменты Элвина.

– Тебе здесь нравится? Пока ты работаешь, я буду рядом, в соседнем номере.

– Вообще-то, я не планировала начинать прямо сегодня. Надо немного отдохнуть, а то меня тут несколько раз собирались убить, если ты забыл.

– Я имел в виду, что поживу здесь, пока ты будешь готовиться.

– Все время? – недоверчиво спросила я. – А как же Рождество? Разве Франчи и дети не будут по тебе скучать? Джованни и Джулия наверняка ужасно расстроятся, если папочки не будет за праздничным столом. А как же твоя работа? Ну, я имею в виду официальную работу.

– Что? А-а, работа. Без проблем, – отозвался да Сильва, лениво листая иллюстрированную биографию Сутина. – Взял больничный. К сожалению, на прошлой неделе получил ранение в ногу. Пострадал при исполнении служебных обязанностей.

– Серьезно? Ты можешь так легко отмазаться?

– Ты и правда ничего не понимаешь, да? – с сожалением посмотрел на меня итальянец.

– А как же жена?

– Она все понимает. Мало того, она еще и не задает вопросов, в отличие от некоторых! Пожалуй, я тебя оставляю – обустраивайся. А вот это я заберу, – помахал он коричневым конвертом, в котором лежали мои паспорта – настоящий, на имя Джудит Лорен Рэшли, и два поддельных, которые я купила в прошлом году у мастера своего дела из Амстердама. Один на имя Элизабет Тирлинк, второй – на имя Кэтрин Оливии Гейбл. Так звали мою сестру. Наша мать обожала классические голливудские фильмы.

– Это необязательно. Ты же понимаешь, что мне особо деваться некуда?

– С чего ты взяла, что я буду доверять тебе?

– С того, что у тебя нет другого выбора.

– L'ultima spiaggia?

– Мы говорим «последняя надежда».

– В общем, забираю. Если тебе что-то понадобится из еды – заказывай все, что хочешь.

– А сигареты у тебя есть? – спросила я, и он отдал мне свою полупустую пачку. – Спасибо!

Умираю, как хочется принять ванну.

Да Сильва странно посмотрел на меня и ушел, закрыв за собой дверь.

Я тут же стала набирать воду в мраморную ванну, выливая в горячую воду все бутылочки с пеной и шампунем, какие имелись в наличии. Ожидая, пока вода немного остынет, я решила проверить свои счета. В Панаме и Швейцарии все было в порядке, я все еще была относительно богатым человеком. Зайдя в почту, я обнаружила несколько мейлов от клиентов, удивленных внезапным закрытием «Джентилески», и даже расстроилась, что их так мало. Кроме этого, в ящике оказалось четыре личных письма: от Стива, Карлотты и Дейва – тех троих людей, которых с натяжкой можно было назвать моими единственными друзьями. И еще одно, от Павла Ермолова. Его я и открыла первым.

Джудит, пожалуйста, свяжись со мной.

Просто чтобы я знал, что с тобой все в порядке.
Здесь все нормально, как договаривались.

Сообщение Ермолова слегка запоздало. «Нормально» – не совсем подходящее слово. Он заверил меня, что позаботится о Казбиче, но тогда мне и в голову не приходило, что я потенциально могу занять место арт-дилера. Хотя, надо признать, тон письма был трогательный. Кажется, Ермолов и правда волновался за меня. У нас с ним было несколько дней хорошего секса и созерцания потрясающих шедевров живописи мирового уровня, но я была не настолько глупа, чтобы думать, что это может быть серьезно. Правда, должна признаться, я в этих делах не специалист. В целом чем меньше знаешь о своих любовниках, тем лучше. Иногда имени вполне достаточно.

Сообщение от Карлотты, как всегда, отличалось краткостью: два эмодзи с малышом и большой палец. Я улыбнулась. Карлотта успешно выполнила первый этап плана – подцепила пожилого мужа высокой рыночной стоимости, а затем перешла ко второму этапу: забеременеть, желательно близнецами. Карлотта всегда поражала меня своим стремлением заполучить то, что ей нужно, особенно если желания более или менее покрывались банковским чеком, выписанным после свадьбы. Завидовать я ей не завидовала, но искренне порадовалась за подругу.

Сообщение Дейва тоже оказалось коротким.

Надеюсь, у тебя все нормально. Отличные новости по поводу моей книги! Ужасно хочу все тебе рассказать. Черкни строчку, как будет время.
Люблю, целую, Д.

Я ощутила приступ чувства вины. Дейв работал носильщиком в «Британских картинах» в Лондоне, когда я еще была там стажером, а до этого служил в армии, и его опыт мне очень пригодился. Его опыт и то, что он умел не лезть не в свое дело, совсем как жена да Сильвы. Дейв очень часто помогал мне, даже не подозревая об этом, и слава богу, что не подозревал. Когда мы виделись в последний раз, он рассказал, что написал книгу о своем опыте арт-терапии при работе с травмированными участниками боевых действий.

Книгу я почти дочитала, но потом меня арестовали, похитили, и во всей этой кутерьме последние главы остались непрочитанными. Его робкий энтузиазм и неподдельная страсть к картинам заслуживали лучшего. Внезапно я вспомнила все наши разговоры об искусстве, когда мы прятались на заднем дворе аукционного дома, курили и смотрели, как на склад привозят новые работы. Не думаю, что он одобрил бы ту авантюру, в которую я оказалась втянута.

Стив или, точнее, новая ассистентка Стива сообщала мне, что яхта «Мандарин» будет в Карибском море на Новый год, и предлагала мне составить компанию своему боссу. Я ответила, что, к сожалению, на этот раз присоединиться не смогу.

От мамы писем не было – неудивительно. И тем не менее послезавтра Рождество. Возможно, она все-таки проявится.

Я надеялась, что горячая ванна, двойная порция тальятелли с креветками, водка, фруктовый салат и тирамису меня успокоят, но все равно настолько перевозбудилась, что никак не могла уснуть. Завернувшись в халат, я расчесала спутанные, но, слава богу, наконец-то чистые волосы и пошла на балкон покурить. Оказалось, что ванна есть даже на террасе. Отсюда открывался вид на расположенный у моря старый город, огни фонарей вдоль променада мерцали, словно щупальца медуз. Сидерно. Мне не терпелось приступить к выполнению задания Разновича, но для начала нужно было собрать довольно много информации. Например, узнать, как поживает миссис да Сильва. На столе лежал блокнот и карандаш с логотипом отеля, яхватила их, зашла на «Фейсбук» и начала играть в детектива.

На следующее утро я отправилась на пробежку. Это было просто чудесно после стольких дней вынужденной неподвижности. Сначала я немного пробежалась трусцой, а потом стала делать ускорения каждые сто метров, чувствуя приятную боль в изголодавшихся по нагрузке мышцах. Вернувшись в отель, я нисколько не удивилась, увидев да Сильву в свитшоте с большим капюшоном, хотя на улице было не так уж и холодно. Он отжимался то на одной руке, то на другой, упираясь в невысокий парапет.

– Bravo! Как насчет кофе?

Да Сильва взглянул на меня снизу вверх, продолжая отжиматься. По сравнению со спортивными штанами, которые он купил мне в супермаркете, моя форма для бега выглядела более чем прилично, да и после пробежки у моря на щеках снова заиграл румянец.

– Конечно, – ответил он, вставая.

Вместе мы вошли в холл отеля, администратор за стойкой почтительно кивнул да Сильве. Кроме пожилой пары в креслах-колясках, которых припарковала у стола с завтраком мечтательная сиделка-филиппинка, мы были единственными постояльцами отеля в праздничный сезон.

Мы присели за столик на террасе, да Сильва достал из кармана свитшота пачку «Мальборо голд» и протянул мне сигарету. Вскоре официант принес нам капучино. Похоже, отношение к здоровому образу жизни у нас тоже совпадало. Да Сильва дал мне прикурить, щелкнув массивной золотой зажигалкой «Дюпон».

– Итак, – заговорила я, как только официант отошел подальше и не мог нас слышать, – может быть, перейдем на английский? Чтобы не вызывать лишних вопросов.

– Хорошо. О чем думала?

– О том, как это все устроено. О том, чем ты занимаешься.

– Я же сказал тебе еще вчера: ты узнаешь все, что тебе нужно знать.

– Да, рано или поздно. Но будет намного проще, если ты просто скажешь сам. Давай начнем с того, что я думаю. – (Да Сильва, откинувшись на спинку стула, курил с озадаченным видом.) – Некоторое время назад я зафрендил на «Фейсбуке» твою жену. Довольно давно.

– Да. И что? Мне не нравятся разговоры о моей жене.

– Ее фамилия Казакияра. Франческа Казакияра, – продолжала я, помня о том, что итальянки редко меняют фамилию, выходя замуж. – Родом она из Рима, из Казилино, где вырос и ты. Но ты сказал, что родился здесь, на юге, в Сидерно.

Казилино на поверку оказался мрачноватым спальным районом, возникшим в шестидесятые годы недалеко от центра города.

– Казакияра – влиятельная римская семья, так? Когда умер дедушка Франчески, то в день его похорон часть города просто закрыли для посторонних. Разразился скандал, потому что полицейские вертолеты не могли подобраться достаточно близко. Знаешь, об этом написали даже британские газеты. Если ты не в курсе, наши журналисты обожают такие истории из жизни мафии, – продолжила я, заметив, как да Сильва поморщился при слове «мафия»; я прекрасно знала, что им пользуются только люди, ничего не понимающие в этой системе, но мне было приятно доставить ему хоть какой-то дискомфорт. – Итак, что у нас имеется? Ромеро из Сидерно и Франческа из Казилино. Какая же между ними связь? Сейчас изложу тебе свою гипотезу. Статистика говорит о том, что в этих краях, – махнула я рукой на открывающийся с террасы вид, – примерно один процент всего мужского населения так или иначе вовлечен в эту деятельность. Многие из ваших как раз родом из Сидерно или Бовалино.

– И что?

– Помнишь нашу первую встречу, Ромеро? Озеро Комо, так? Потрясающе красивое место! Ты приехал туда, чтобы задать мне парочку вопросов о смерти Кэмерона Фицпатрика.

– Да, мы это с тобой уже обсуждали.

– Терпение. Бовалино. Мама Фицпатрика была родом из Бовалино. Работала, если не ошибаюсь, горничной в каком-то отеле в Риме, – спокойно продолжила я, да Сильва снова закурил. – Фицпатрик тоже родился здесь, как и ты.

– И как ты об этом узнала?

– В прошлом году по Фицпатрику отслужили службу в Лондоне. Убийство, такая трагическая смерть! Его мать прилетела в Лондон, ее имя было в некрологе. А потом, сам понимаешь: списки избирателей, прописка в муниципалитете – вы же обожаете бюрократию. На самом деле почти все, кто хочет играть с вами в одной команде, должны быть родом отсюда. Кровная семья становится, если угодно, кланом. Здесь все начинается. Именно в этом месте. Вы все повязаны, хотя, должна признать, мне пришлось попотеть, чтобы понять, какая между вами связь, – триумфально закончила я, с удовлетворением наблюдая за тем, как да Сильва продолжает курить сигарету, хотя от нее остался один фильтр. – Мне продолжать? Следующий сюжет нравится мне еще больше! – заявила я, и итальянец кивнул. – Однако у вас были некоторые кадровые проблемы, правда? Мышц много, мозгов мало.

– Brava.

Официальная документация на тему итальянской мафии оказалась не таким уж и захватывающим чтивом, как можно было бы предположить. Одной из наиболее интересных работ оказались «Межпоколенческие проблемы, препятствующие интернализации профессиональных навыков на нелегальном рынке». Суть сводилась примерно к следующему: в городах, где зимой совершенно нечем заняться, кроме как целевыми практиками с овцами или трахать собственную сестру, средний уровень местных членов клана неуклонно падал. Слишком много дураков. Строгие правила о том, что членом клана можно стать только по праву рождения, начали мешать получению прибыли, особенно когда дело доходило до внедрения в легальный бизнес. Поэтому семьи – кланы – пришли к общему мнению по решению этой проблемы. Гранты на обучение в колледжах, школах бизнеса, уроки английского – вся необходимая подготовка для того, чтобы идти в ногу с требованиями двадцать первого века.

– В Калабрии есть десять больших... ну, скажем так, группировок, которые работают на севере Италии. Для них крайне важна связь с римскими группировками. И ты один из этих новых ребят, так, Ромеро? Династический брак, связи. Ты вездесущ, университетское образование, элегантные костюмы и страсть к суши. Полиция, руководящие должности, администрация. Ваши люди есть даже в сенате, если хотя бы половина из того, о чем пишут в газетах, правда. Все по закону. Вот только все, что ты делаешь, чертовски противозаконно.

Не спрашивая разрешения, я взяла у него из пачки еще одну сигарету. Он с безразличием смотрел на меня немигающим, как у ящерицы, взглядом:

– Продолжай.

– Итак, вы с Фицпатриком и Монкадой вместе занимались всей этой историей с оружием. Казбич был консультантом. Разнатович – поставщиком. Казбич вышел на меня через Караваджо. Вот как ты узнал о том, что находилось у меня в квартире.

– Ты имеешь в виду Элвина Спенсера? В убийстве которого ты созналась? – равнодушно спросил он.

– Ты меня не арестовал, а теперь тем более вряд ли арестуешь. Ну, мне так кажется, – искоса взглянула на него я. – Вчера я была почти уверена, что ты убьешь меня.

– Жаль, что мне не дали этого сделать.

– И вот мы здесь, – продолжала я, и да Сильва поднял руки над головой, поочередно потягивая трицепсы. – Итак, вернемся в Париж. Когда это было? Четыре года назад, кажется. Меня нашел полицейский, некий Рено Клере. Он думал, что вы с ним партнеры. Я собиралась уехать из города, ты хотел взять меня в аэропорту. Полагаю, время от времени тебе все-таки нужно ловить преступников, ну так, для виду. Но ты меня упустил. Если бы я не послала то сообщение...

Сообщение, которое я отправила ему с телефона Клере: «Тебе что-нибудь говорит имя Джентилески?» С тех самых пор эти восемь слов преследовали меня.

– Что с ним стало? С Клере? – спросил да Сильва, перестав делать вид, что ему наплевать на мой рассказ, и подтвердив, что фрагменты этой мозаики, которую я собирала всю ночь, оказались верными.

– С твоим бывшим коллегой? Лучше тебе не знать. Честное слово.

Некоторые воспоминания вызывают своего рода синестезию – одно ощущение тянет за собой другое, и так далее. Звук, с которым кровь толчками выливалась из сонной артерии Рено, когда лезвие ножа вошло в его шею, соединялся с бордовой спиралью, когда я смывала его кровь в ванну, со сладковатым запахом, которым пропиталась вся моя парижская квартира в тот вечер. Я завернула его голову в пищевую пленку, убрала в пластиковый пакет, положила в спортивную сумку и бросила в Сену. Насколько мне известно, сумку так и не нашли.

– И что дальше? – спросила я с сигаретой в зубах.

– Пойду приму душ. А дальше предлагаю тебе перестать лезть не в свое дело и заняться тем, для чего тебя сюда привезли.

– Нет. Мне нужно знать. Я сказала, что все сделаю. Тем более что у меня особо нет выбора. Но я хочу знать, на что пойдут эти деньги.

– Какая тебе разница?

– Я теперь художник. Мне нужно вдохновение. А тебе нужна я, поэтому ты все мне расскажешь. Разнатович не станет ждать свои деньги вечно.

– Не думай, что ты незаменима. В Албании ты пошла ва-банк.

– А я так не думаю. Но Фицпатрика нет, Монкады нет, Казбича нет. Подделками для тебя должны были заниматься они. А ты их устранил и уже признался в этом. Я с тобой тут вяпалась по самое не могу, и деваться мне некуда. Черта с два ты найдешь человека, который разбирается в живописи и имеет столь веские основания держать рот на замке! В любом случае у Разнатовича терпение закончится раньше.

5

Спустя час мы сели в ту же черную машину, на которой да Сильва привез меня из Венеции, и поехали в сторону Капо-Риццито. Сегодня вдоль дороги выстроилось еще больше желающих заработать в праздники. Да Сильва вел машину молча. Он переоделся в джинсы, белую рубашку и темно-синий джемпер и стал выглядеть моложе, чем в форме. Должна признать, он за собой следил. Я тоже выбрала темно-синий: замшевое платье на пуговицах от «Клоэ», слегка присборенное сзади на талии, сверху приталенный, укороченный твидовый жакет и ботинки «Ферргамо». Пострелы да Сильвы забыли прихватить мой парфюм, без которого я не чувствовала себя полностью одетой, но легкий макияж вернул мне ощущение того, что я – это я. На самом деле я очень давно не чувствовала себя собой. Странный наряд для визита в полицейский участок, но мне было так приятно, что мои вещи снова со мной, что захотелось немножко принарядиться. В конце концов, у меня такая легенда, надо соответствовать.

– Порт здесь, – наконец произнес да Сильва и остановился около недавно забетонированной дорожки. – Отсюда ходят корабли за беженцами. Лагерь находится на побережье, где-то в километре на север отсюда.

Он предъявил удостоверение караульному, нас пропустили, и мы въехали на заполненную машинами парковку.

– Почему так много народу? – спросила я.

– Рождество. Они готовят поисковые отряды. Сегодня вечером наверняка будет много лодок.

Беседуя, мы шли в сторону пирса, где стояли три больших катера с эмблемой «Полиция». Несколько служащих в форме грузили на катера оранжевые спасательные жилеты, контейнеры с водой, трещали рации, полицейские бросали друг другу одеяла.

– Нелегалы берут двойную цену на Рождество – больше шансов, что проявят сочувствие, – как ни в чем не бывало рассказывал да Сильва.

Он приостановился, чтобы помочь девушке, которая с трудом пыталась перетащить на катер тяжелый красный контейнер с аптечкой. Она с любопытством взглянула на меня. Да Сильва поздравил ее с Рождеством. Я восхищалась тем, как он уверенно общается с коллегами, его непроницаемым выражением лица. Неужели никто из них ни о чем не догадывался? Или они просто привыкли не задавать лишних вопросов? Некоторые из этих людей вскоре выйдут в море, оставив собственные семьи в праздник, чтобы спасти незнакомцев. Разве они могли не понимать, что творится у них прямо под носом? И тут я вспомнила, что вчера прочитала о том, как одной из жертв нападения, совершенного мафией, удалось спастись, но он отказался давать показания. «Это правда, они шестьдесят три раза выстрелили мне в спину, – сказал мужчина, – но я уверен, что это была чистая случайность». Возможно, куда проще молчать о вещах, существование которых никем не признается.

Мы дошли до конца пирса, волны шумели так сильно, что было тяжело разговаривать.

– Ты сказала, что хочешь все знать, – шепотом произнес да Сильва. – Вот тебе правда. Оборудование перевозится на катерах. Когда мы встречаемся с правильным агентом, то обмениваем оружие на беженцев.

– Оборудование? В смысле – оружие?

– Ну естественно.

– А потом?

– Ливия, Сирия, Ирак – и так далее. Куда надо покупателю, это уже не наше дело.

Как все просто, восхитилась я, и как смело! Гуманитарная миссия по спасению беженцев в качестве прикрытия для торговли АК-47.

– А что с людьми?

– Большинство из них попадает туда, для начала. – Он махнул рукой налево, на противоположную оконечность залива.

Прикрыв рукой глаза от солнца, я разглядела колючую проволоку над скалами, за ней нечто вроде кемпинга – ряды маленьких деревянных домиков. Между низкими строениями мужчины играли в футбол. На одном из них была футболка в красно-синюю полоску с надписью «МЕССИ» на спине.

– Но как??? – недоумеваю, спросила я.

– Контейнеры грузят на шлюпки. Парни, которые принимают их, понятия не имеют, что там. Или у них достаточно мозгов, чтобы не спрашивать.

– Но сюда-то как вы доставляете оружие?

– Боже, ты когда-нибудь замолчишь?

– Я спасла тебе жизнь, – повернулась к нему я, и мои волосы разметал ветер, – ты спас жизнь мне. Сказал, что все объяснишь.

Он показал в сторону побережья, словно предлагая мне насладиться чудесным видом:

– Армейские грузовики.

После развала Советского Союза Разнатович сколотил себе состояние на торговле оружием. Большая часть Восточной Европы стала просто-напросто биржей по торговле оружием, стоявшим на государственном вооружении. В какой-то момент АК-47 можно было купить за жалкие сто долларов.

– Никаких проблем на границе, – заметила я.

Сербия – идеальный пункт переброски военной контрабанды в зону Шенгенского соглашения, въехав на территорию которой военный транспорт мог перемещаться совершенно беспрепятственно.

– Именно. Как только товар оказывается за пределами Сербии, его хранят на военных складах и перевозят на военных грузовиках. Какая-то часть официально задекларирована, но очень небольшая. Беженцы разгружают товар дальше по побережью. Всего несколько минут – и грузовик готов. Мы им неплохо платим, – добавил он, заметив, как изменилось выражение моего лица. – Два евро в час. Как за сбор помидоров. Потом товар сортируют, часть остается здесь, часть распределяется по побережью. Поняла?

В лагере одному из футболистов удалось отбить потенциальный гол, он театрально бросился на землю, пытаясь поймать мяч. Мне представились его руки, устало лежащие на коленях после целой ночи перетаскивания тяжелых контейнеров, полирующие те самые орудия, которые разрушили его жизнь. Фарс, если задуматься. Но на самом деле никто и не задумывается. Люди смотрят на снимок убитого ребенка, на мертвое тело, лежащее на пляже, а потом прокручивают новостную ленту дальше, умиленно разглядывая котят и вдохновляющие асаны йоги.

– Впечатляет... – прошептала я. – Пойдем? Здесь ужасно холодно.

Мы вернулись в отель, и да Сильва исчез, сказав, что идет на семейный рождественский ужин, а потом на мессу. Весь вечер я читала, потом вышла пройтись. Магазины уже закрывались, все спешили купить последние подарки и деликатесы к столу, все поздравляли друг друга с Рождеством. Я бродила в одиночестве среди веселой толпы и чувствовала себя героиней типичной романтической комедии. Некоторое время посидела на скамейке, смотрела на море, пока не стемнело, и курила, пока не начала кружиться голова. Позвонила маме, но она не взяла трубку. Наверняка надралась в канун Рождества где-нибудь в пабе и теперь спит на столе. Я оставила сообщение на автоответчике, извинилась за то, что подарок ей доставят чуть позже, посетовала на итальянскую почту и сказала, что сама ничего особого на Рождество не планирую. Хотя она наверняка и не ожидает, что я приеду. Я пожелала ей всего наилучшего и нажала «отбой».

Один из самых полезных уроков, полученных мной в детстве, состоял в том, что наркоманы всегда знают, где найти кайф. Они всегда найдут нужное место где-нибудь на окраинах, где между камнями мостовой лежит туго свернутая «заначка» или гнутая ложка в мусорных баках. Когда я увидела ту самую девушку с обочины в костюме Санта-Клауса, то сразу поняла, какие у меня планы на вечер, потушила сигарету и пошла за ней. В любом случае меня не очень прельщала перспектива встретить Рождество за ужином на троих в компании двух инвалидных кресел. На девушке были джинсы в обтяжку и фиолетовая атласная куртка, она не работала, но все равно привлекала внимание не только цветом кожи, до сих пор необычным для Италии, но и, скорее, своей осанкой и манерой двигаться – прямая, грациозная, она словно танцевала среди толпы припозднившихся покупателей под руководством невидимого хореографа. Она немного прошлась по набережной, а потом свернула на одну из ужасных современных улиц, отделявших исторический центр от моря. Держась метраж в двадцати позади нее, я перешла широкий бульвар и вышла на площадь, вымощенную полированным мрамором. На противоположной стороне площади виднелась небольшая барочная церквушка, штукатурка кремового цвета сияла в зимней темноте. Девушка пошла по одной из узких улочек за церковью, и я стала держаться подальше. Мне не хотелось спугнуть ее гулким стуком ботинок по гладкому камню. Она остановилась, взглянула на телефон, и я притормозила, спрятавшись в арку и испытывая возбуждение от ощущения преследования.

Покружив некоторое время по лабиринту уходивших вверх древних улиц, мы вышли в перпендикулярный переулок, ведущий к белой громаде замка Сидерно – самой высокой точке Старого города, где девушка вошла в одну из арок. Маленькие свечи в крафтовых пакетах, наполненных песком, освещали голые стены, построенные еще королями Арагона. Доносились едва слышные звуки музыки, что-то меланхоличное и джазовое, я спустилась по узкой винтовой лестнице и оказалась в подвале. Похоже, у моей девушки уже было назначено свидание – ее крепко обнимала коренастая, бритая налысо женщина в мужской рубашке и подтяжках, одно ухо было в пирсинге, сережки, полускрытые волосами девушки-Санты, поблескивали в свете свеч. Высокая скамья и полка с бутылками заменяли собой барную стойку. Я заказала бокал красного и стала искать план Б. В крошечном заведении было около двадцати человек, в основном итальянские подростки-хипстеры, ужасно гордые тем, что не отмечают Рождество, и несколько компаний африканцев и арабов – возможно, некоторые из того самого лагеря. Двое мужчин, молодой итальянец с короткой бородкой и высокий черный парень в рубашке с рисунком, медленно танцевали рядом колонкой, прикрыв глаза и покачиваясь в такт музыке. Вдоль стены стояли деревянные ящики, заваленные разноцветными подушками. Я присела на один из них и закурила, выжидаяюще наблюдая за танцорами.

– Чао, – улыбнулся мне парень, сидящий через два ящика от меня.

Неплохой вариант: длинные ноги, высокий лоб, явно не дурак. Я улыбнулась в ответ, и он пододвинулся ко мне. Народу прибывало, мы болтали, перебивая музыку, он угостил меня следующим бокалом и осторожно приобнял меня. Я была не против. По-итальянски он говорил коряво, поэтому мы быстро перешли на французский. Он представился Серафимом, сказал, что родом из Египта, по вечерам учит английский. Сказал, что мечтает когда-нибудь поехать в Лондон. «На Карнаби-стрит», – улыбнулся он. Я решила не расстраивать его и не стала говорить, что там сплошная «Зара» и китайские забегайки. В помещение ворвался холодный воздух – дверь распахнулась, и в бар зашла еще одна кучка посетителей, четверо итальянцев. Серафим помахал одному из них, познакомил нас. Друга звали Рафаэль.

– Серьезно? Серафим и Рафаэль? Быть такого не может!

– Может. Тем более раз тебе нравится.

Что ж, ладно. Рафаэль оказался светловолосым накаченным парнем, ростом чуть пониже Серафима. Мне показалось, что они переглянулись, и, когда Серафим в очередной раз пошел к бару, Рафаэль притянул меня к себе и поцеловал. Я открылась навстречу его губам, стала

гладить упругие мышцы под свитшотом, а когда вернулся Серафим, я развернулась к нему и начала целовать его. Все так знакомо, так просто.

– Хочешь пойти еще куда-нибудь? – спросил Серафим.

– Втроем? – спросила я.

– Конечно, – кивнул Рафаэль. – Пойду возьму нам еще бутылочку.

Мы вышли из бара в обнимку, я шла посередине.

– Сюда, – махнул рукой Серафим.

Ясно, значит, у них это не в первый раз – тем лучше. Мы поднялись по ступенькам, перешли переулок, немного прошли вдоль крепостной стены и вскоре оказались перед деревянной дверью с замком в виде половинки сердца.

– Ш-ш-ш! – захихикал один из них, когда мы вошли в с трудом открывшуюся дверь.

За дверью оказалась лестница в узком колодце между крепостными стенами, там было темно и холодно. Каким-то участком мозга я понимала, что, вообще-то, мне должно быть страшно, но именно этот участок у меня обычно работает не как у всех, поэтому бояться я не стала. Мы вышли в большой заброшенный двор, старинная брусчатка почти вся заросла травой. Серафим вывел нас на открытую аркаду, с противоположной стороны которой наверняка открывался вид на море. По углам двора шныряли кошки, в темноте то тут, то там зловеще поблескивали зеленые глаза. Дойдя до конца аркады, мы оказались в закрытом пространстве, которое было даже сложно назвать комнатой – просто изогнутая стена, вдоль которой были расставлены свечи в банках из-под томатов. Одну за другой Серафим зажег их все. Мы пускали по кругу бутылку жутковатого красного вина, делая по одному глотку. На улице было холодно, но я вся горела, кровь стремительно бежала в жилах, согревая кожу. В какой-то момент мы все замерли, переглянулись, а потом я сняла пальто, положила его на землю, а затем сняла и платье:

– Идите сюда, мальчики, мне холодно!

Они легли с двух сторон от меня. Рафаэль, более смелый, сразу запустил руку в мое влагище и засунул язык в мой рот, а Серафим принялся целовать меня в шею и ласкать грудь. Кто-то из них сказал, что я красавица. Губы Рафаэля заскользили вниз по моему телу. Наконец он добрался до внутренней стороны бедер, язык точными круговыми движениями вошел в меня, и я ахнула, крепче прижимая к себе Серафима. Найдя на ощупь его член, я заставила африканца встать на колени так, чтобы его член оказался прямо надо мной, и взяла его в рот. Легкие прикосновения, тихий шепот, и вот его толстый член уже оказался у меня в глотке, и я раскрыла рот шире, чтобы ласкать языком головку. В этот самый момент язык Рафаэля наконец-то добрался до моих влажных половых губ и начал медленно, не спеша их вылизывать. Мой рот заработал активнее, член Серафима оказался во мне целиком до самого бритого паха, другой рукой я взяла его яйца, большим пальцем плотно упираясь в промежность.

– Si, bella, si, così⁴.

– Подождите. Attendez. Хочу посмотреть на вас.

Отстранившись, я села, прижимаясь спиной к влажной штукатурке стены, и посмотрела на желтоватые капли, поблескивавшие между моим влагищем и губами Рафаэля. Он вытер рот тыльной стороной ладони и улыбнулся.

– Хочу посмотреть. Вставайте, продолжим. Один из вас трахает, другой – в рот.

Они молча подчинились, поглаживая свои члены. Я долго рассматривала их голодным взглядом. Серафим, решила я, выглядел многообещающе.

– Я возьму тебя. Ложись.

Мы поменялись местами. Я еще раз поцеловала Рафаэля, ощущая собственный мускусный привкус с легким ароматом лимона на его губах.

⁴ Да, красавица, да, продолжай (*ит.*).

– Потрогай себя, – приказала ему я, а сама опустилась на Серафима, повернувшись к нему спиной, и легла ему на грудь, раздвинув колени так, чтобы его член вошел в меня целиком. Рафаэль начал дрочить быстрыми движениями, крепко сжимая в кулаке член, а я всем весом опиралась на мощную плоть внутри меня, вращала бедрами, терлась о живот Серафима, сжимала мышцы влагалища, приподнимаясь вверх, и вскоре он застонал. Потом я медленно выпрямилась, взяла его руку и положила себе на бедра, чтобы он мог войти в меня еще глубже. Ощущая ритмичную пульсацию внутри, я еще сильнее раздвинула ноги, нащупала клитор, и мне отчаянно захотелось, чтобы он кончил, затопил меня своей спермой, и вот по моему телу уже побежали первые волны оргазма, его член набух еще больше, растягивая меня до предела, он кончил, и в ту же секунду Рафаэль громко застонал и кончил мне на лицо. Сперма стекала с моего подбородка, текла по ключицам, но мне было этого мало, я просунула ладонь себе между ног, поднесла ко рту и сделала глоток спермы Серафима. Серебристые струйки блестели на одновременно ледяной и обжигающе горячей коже, и от этого ощущения я кончила, испытыв настоящее блаженство.

Мягко опустившись на грудь к Серафиму, я потянулась к Рафаэлю, и тот уютно устроился у меня на груди. В какой-то момент я слышала биение трех наших сердец одновременно. И тут я заметила, что за нами наблюдают. Кто-то стоял позади нас, еще одну пару глаз я заметила у самой стены, где-то рядом раздался приглушенный стон.

– Кажется, мы тут не одни, – очень медленно произнесла я.

– Не беспокойся, они нас не потревожат, – прошептал Рафаэль. – Они просто смотрели.

Оба моих мальчика так и остались полуодетыми. Некоторое время я лежала обнаженной, под весом их тел, а потом раздался тихие шаги, и я поняла, что наши безмолвные зрители исчезли в темноте. С моря подул колючий ледяной ветер.

Около часа ночи я пошла в сторону отеля, закутавшись в пальто. Платье было безнадежно испорчено, тонкая замша вся помялась и испачкалась, но мне было все равно. Закончилась всенощная, и из церквей повалили нарядно одетые прихожане, потягиваясь и торопясь донести засыпающих детей до машин. *«Придите, верные»*. Где-то в темноте по морю шли поисковые катера. Хорошо, что я заранее купила целый блок сигарет. Я завернула его в фирменную бумагу для записей, лежавшую на столе, кое-как нацарапала на ней *«Счастливого Рождества!»* и оставила под дверью у да Сильвы. Лично я планировала проспать весь день рождения Господа нашего Иисуса.

6

Наступило утро второго дня Рождества. Промзона оказалась ужасной и невзрачной, как и все места такого рода. Мы прошли мимо нескольких складов и погрузочных зон, на улице стояли и курили рабочие-китайцы. Два ряда бараков, похожих на домики в лагере беженцев, между ними на веревках сушится белье, через открытую дверь виднелись плотные ряды двухъярусных кроватей. В большинстве домиков стояло огромное количество швейных машинок, за которыми сидели мужчины и женщины и сосредоточенно строчили – шили изысканные, дорогие наряды вроде того, что сейчас был на мне. Известные дизайнеры платили таким цехам ради того, чтобы заполучить вожеленный лейбл «Сделано в Италии». Перед одним из невысоких зданий были огромные ворота и два охранника с немецкими овчарками. В воздухе резко пахло химикатами, из двух жутковатых труб поднимался белый дым. Может, они тут герлин варят, мне-то какое дело?

Мы остановились чуть подальше, у маленького здания из красного кирпича. У входа нас встретил какой-то китаец среднего возраста, с брюшком, одетый в голубой комбинезон, как и все остальные работники фабрики.

– Это Ли, – представил его да Сильва. – Ли, это мисс Рэшли.

– Называйте меня просто Джудит.

– Что ж, тогда я вас оставляю, – распрощался да Сильва, сел в машину, открыл окно и закурил.

– А тебе не интересно посмотреть? – крикнула я.

– Да чего я там не видел, – улыбнулся итальянец.

Ли галантно проводил меня внутрь и спросил на идеальном итальянском, хочу ли я чего-нибудь выпить. Я отказалась, мне не терпелось увидеть его мастерскую. Внутри оказалось просторнее, чем виделось снаружи, благодаря люкам в крыше освещение было естественным, приятно пахло масляными красками и лаком. Мы прошли по перегороженному коридору к массивной двери. Ли набрал код доступа, раздался щелчок, и дверь открылась.

– Это склад. Что бы вы хотели увидеть?

– Все, что есть из готового, если вам не сложно.

Немного помедлив, Ли заулыбался и взялся за ручку то ли шкафа, то ли гигантской морозильной камеры. Внутри оказался круглый рельс, которым китаец управлял с помощью небольшого пульта. Он нажимал на кнопку, перед нами появлялось одно полотно за другим, но вот Ли остановил рельс и достал Кандинского.

Вот только это был не Кандинский. Головой я это прекрасно понимала. Однако удивительным, чудесным образом картина произвела на меня точно такое же впечатление, как те подлинники, что я видела. Если бы это был оригинал, то я сказала бы, что это ранний Кандинский, год эдак 1911-й. Пейзаж с домами, на переднем плане луг, с холма сбегает, извиваясь, речка. Самые базовые цвета – зеленый, красный, желтый, синий, детская точность в изображении домов контрастирует с мазками, символизирующими землю и воду. О таких картинах профаны обычно говорят: «Да мой трехлетний сын так нарисует!», как будто весь смысл в том, чтобы неуклюже передать то, что увидел художник. Но если присмотреться, то увидишь глазированную толщу воды сквозь несколько слоев краски, танец теней, образуемый игрой невидимых солнечных лучей на крыше, краски, расцветающие и увядающие с таким мастерством, что влажная штукатурка стен и пыль на листьях подорожника туманят твой взгляд, и тогда можно скорее почувствовать эту картину, чем увидеть, как будто то, что он нарисовал, отпечатывается у тебя прямо на радужке.

По оценкам экспертов, примерно десять процентов работ, висящих на стенах самых главных музеев мира, являются подделками. Глядя на работу Ли, я с легкостью могла поверить

в эти цифры. Возможно, серьезного технологического анализа эта картина и не прошла бы, а может быть, прошла бы и его. В таком случае что мы будем считать настоящим Кандинским?

Говорить Ли, что работа прекрасная, не стоило. Это было бы оскорблением.

– Еще что-нибудь, если можно.

Китаец снова нажал на кнопку, рельс с щелчком передвинулся, и Ли снял с него довольно большое полотно – классический голландский натюрморт в стиле XVII века. Темный кофейно-голубой фон, накрытый батистовой скатертью стол, серебряный поднос с гранатами и виноградом, свет от изящного подсвечника с тремя свечами подчеркивал блеск кожуры фруктов. На краю тарелки, ближе к зрителю, ползет крошечная ярко-зеленая гусеница – настолько реальная, что на первый взгляд мне показалось, будто она приклеена к картине. Стандартный трюк, вставить миниатюрную забавную деталь, чтобы подчеркнуть виртуозность мастера.

– Лупа есть?

Ли достал из кармана комбинезона увеличительное стекло, протянул мне, а сам положил картину на рабочий стол. Я принялась тщательно изучать полотно. Кракелюр – это рисунок множества крошечных трещинок, возникающий на верхнем слое картины по мере высыхания красок и лаков. Правильный эффект можно подделать, если подвергнуть уже готовое произведение термической обработке. Многие мошенники попадают именно на недостаточно профессиональном выполнении кракелюра, который можно изучить точно так же, как отпечатки пальцев. На самом деле я далеко не эксперт по натюрмортам в принципе, но за время работы в «Британских картинах» видела достаточно работ такого рода, чтобы понимать: эта картина пройдет любой тест.

– Пигмент?

– Все как надо. Мы работаем вручную по рецептурам, – отозвался Ли, подошел к стеллажу с книгами и достал с полки увесистый фолиант в красном переплете с надписью «Словарь исторических пигментов», а потом еще один, название которого прочитал вслух по-английски. – «Оптическая микроскопия исторических пигментов».

– Слышала об этих изданиях.

– А вот наш контрольный лист. – Ли показал на листок, прикрепленный к стене и весь испещренный китайскими иероглифами, и стал читать. – Холст, подрамник, доска, слой, грунтовка... переплет, – не сразу подобрал он нужное слово, – патина. Каждая картина проходит тщательную проверку, но на самом деле это просто напоминка. Мы и так все знаем.

– Не сомневаюсь. Благодарю вас. А можно посмотреть саму мастерскую?

– Разумеется.

Люди привыкли представлять себе художника как одинокого гения, творящего в уединении в своей мансарде. На самом деле такая традиция появилась относительно недавно. Как минимум вплоть до XIX века студии художников скорее напоминали конвейер: сначала полотно попадало к новеньким подмастерьям, которые делали грунтовку и фон, потом к специалистам по пейзажам или тканям и наконец к самому художнику, который добавлял последние штрихи – черты лица или тень от крыла херувима. В целом процесс мало отличался от мануфактуры. Многие картины, авторами которых считаются старые мастера, на самом деле имеют не так много отношения к самим мастерам. Скажем, картина Рубенса далеко не вся принадлежит кисти самого Рубенса. Мастерская Ли, судя по всему, использовала тот же принцип разделения труда. Несколько мужчин среднего возраста молча трудились за длинными столами под тихие звуки классической музыки, доносившейся из приемника. Один писал фон темными масляными красками, другой тщательно работал над толстым белым нижним слоем краски с помощью небольшого деревянного инструмента, напоминавшего палочку от эскимо, – наверное, это будет кто-то из импрессионистов. Одетые в темные комбинезоны, полностью сосредоточенные, они неторопливо выполняли одну задачу за другой, словно средневековые монахи-переписчики. Я вспомнила о подделке Стаббса, той самой картине, которую мой быв-

ший шеф Руперт пытался продать на аукционе через «Британские картины». Может быть, и над ней потрудились здесь для придания достоверности? Наблюдая за работой мужчин, я не могла найти в себе никакой ярости и встать на сторону клиентов, которых они обманывали. Их работа требовала такого терпения, такого профессионализма, такой точности, такой любви! Они просто делали то же самое, что подмастерья делали за много поколений до них, и результаты, на мой взгляд, были куда лучше, чем работы большинства выпускников художественных школ.

– Сколько времени вам обычно требуется на создание картины? – спросила я, с удивлением отметив, что почему-то говорю шепотом.

– Как правило, не больше трех месяцев. Для более современных работ... – Ли ухмыльнулся и развел руками.

– Например, Поллок?

– А-а, ну это можно сделать за один день.

– По дереву работаете?

– Дерево, бумага, что угодно. Как-то раз делали заказ на... на обрывке женского платья, – пожал плечами Ли, и я поняла, что он говорит о Караваджо.

– Я принесу вам дерево. Еще вам понадобятся масляные краски, конец девятнадцатого века, не раньше тысяча восемьсот шестидесятого, не позже тысяча девятьсот пятого.

– Лак?

– Возможно. Нанести и потом удалить, я думаю.

– Значит, все просто?

– Мне кажется, для вас вообще нет ничего сложного.

Первый вопрос, на который надо было найти ответ: кто? Какого художника выбрать? Старые мастера – скажем, Рембрандт или Веласкес, – разумеется, самый надежный вариант в плане цены, однако даже если использовать краски, идентичные подлинным, даже если холст, плотность пигмента и живописная манера будут безупречны по контрольному списку Ли, останется история с провенансом. Для того чтобы подделать произведение искусства, нужна потенциальная возможность того, что оно действительно могло существовать, нужна лазейка в хронологии, в которую можно было бы поместить поддельное полотно. Исследовательский проект «Рембрандт» в течение сорока лет тщательнейшим образом исследовал все картины художника, и на тему авторской манеры ван Рейна теперь написано столько академических работ, что только идиот в наши дни решится на подделку Рембрандта. Действительно, иногда и правда обнаруживается утраченная работа великого мастера. Например, недавно в Париже с молотка ушел неизвестный Леонардо, но такие чудесные открытия становятся событиями международного масштаба, и иногда разные страны начинают претендовать на владение картиной. Слишком сложно, слишком много внимания общественности, слишком медленно.

Значит, надо смотреть на что-то более современное: конец девятнадцатого – середина двадцатого века. Импрессионистов или абстрактных экспрессионистов подделать куда легче, особенно последних, и для этого не обязательно даже уметь писать картины. Учитывая, что Ли нужно создать картину, которая уйдет как минимум за сотню, эта сфера представлялась мне наиболее многообещающей. «Обмен» Виллема де Кунинга ушел за триста миллионов, «Игроки в карты» Сезанна – за двести, «17А» Поллока тоже за двести. Все они обогнали несчастного старину Рембрандта, чьи свадебные портреты Мартена Сольманса и Опыен Коппит ушли за скромные сто восемьдесят миллионов. Я знала, что Модильяни, чьи работы тоже всегда уходят больше чем за сотню, часто подделывают именно по этой причине – художник провел большую часть жизни на грани нищеты и часто расплачивался картинами за еду, поэтому проследить судьбу его картин невероятно сложно. Однако по той же самой причине Модильяни – самый очевидный и самый рискованный вариант.

Потом я подумала о Гогене. Когда я работала в аукционном доме в Лондоне, меня часто посылали в архив Института искусства Курто. В их коллекции имелся Гоген, и я всегда заходила посмотреть на него. Работа «Больше никогда» создана на Таити в 1897-м. Коренастая обнаженная женщина лежит на ярком стеганом покрывале, под головой ярко-желтая подушка. Поза дает невыгодный ракурс, пестрый декор комнаты слишком крикливый. Но меня почему-то тянуло к ней, и я со всех ног бежала от Сент-Джеймс мимо Чаринг-Кросс, с тяжелыми папками документов, лишь бы выиграть лишние пару минут и постоять перед картиной. В комментариях говорилось, что на картине изображена девочка-подросток, которую эксплуатировал Гоген, *vahine* художника, его «жена» на Таити, что композиция, состоящая из двух наблюдающих фигур справа и зловещей птицы с клювом, скорее всего ворона, слева, сама по себе была зловещей и неприятной. Но я видела в этой картине совсем другое. Мне казалось, что девушке просто все надоело, она скучает и устала оттого, что престарелый любовник все время требует позировать ему. Мне нравилось ее вызывающее, непокорное поведение, мне нравилось, что художник изобразил это и посмеялся над собой. А еще я помнила, что «Больше никогда» было написано поверх другой композиции – тропический сад с высокими пальмами, лошадь и курица, – что выяснилось во время инфракрасного исследования, проведенного в музее. Насколько мне было известно, Гоген всегда вел беспокойный образ жизни и постоянно переезжал. Он писал в Париже, Бретани, Арле, Копенгагене и на Мартинике, на Таити и на Маркизовых островах. Гоген работал не только по холсту, но и по керамике, дереву, фрескам. И тут у меня появилась еще одна идея.

Однако, уходя из мастерской Ли, я поняла, что мне предстоит куда более сложная работа, чем ему. Ли умел делать картины, но не умел продавать их. Придумать историю и провенанс – тоже дело техники, к тому же я создала столько поддельных версий собственной жизни, что опыта мне было не занимать. Надо будет придумать интересную детективную историю, только развернуть сюжет наоборот. Но Разнатовичу была нужна именно я, потому что я могла – должна была смочь – убедить покупателя. Ли может сделать картину, которую будет не отличить от Кандинского, но Кандинский станет Кандинским в тот момент, когда в его подлинность поверит владелец. В любой встрече важно желание, подчиняется всегда тот из партнеров, кто испытывает более сильную нужду. Это касается как деловых сделок, так и секса. Мне нужно будет спровоцировать это, заставить нашего покупателя поверить, заставить его умирать от желания, сделать его одержимым стремлением обладать.

Около машины да Сильвы валялось три окурка. Прислонившись к стене, я закурила. Истинная вера, подкрепленная деньгами. Сотней миллионов. Выпустив кольцо дыма, я смотрела, как оно дрожит и растворяется, и так восемь раз подряд. Я хорошая актриса, никто не спорит, но настолько ли я хороша? С другой стороны, выбора у меня нет. Поежившись, я достала телефон и наконец ответила на письмо Павла Ермолова.

С Рождеством. Все хорошо. Хотя у меня есть к тебе две просьбы.
Можешь позвонить?

Немного посомневавшись, я все-таки добавила «целую». Потом позвонила Дейву.

– Джудит! Как я рад тебя слышать, дорогая! С Рождеством!

– И тебя тоже! Я тебя не отвлекаю?

– У меня тут теща приехала, – вздохнул Дейв. – Пошли с моей на распродажу в «Джон Льюис».

– Как это... э-э-э... мило! Расскажи про книгу!

Книгу я дочитала в рождественскую ночь, лежа в постели с бутылкой «Чиро» и огромным сэндвичем. Начиналась она в форме воспоминаний, где Дейв описывал свою службу в армии, потерю ноги и утешение, которое он обрел в изучении искусства. Во второй части книги

обсуждалась его работа с солдатами, пострадавшими во время боевых действий, исследования по арт-терапии при ПТСР, и, наконец, он страстно призывал продолжать преподавать историю художественной культуры в школах. Мне было ясно, что многие из этих историй покажутся читателям трогательными, тем более что писал Дейв хорошо, просто и естественно, каждая страница была пропитана его энтузиазмом и любовью к делу.

– Замечательная книга, Дейв! Я так горжусь, что ты дал мне возможность прочитать ее!

– Но это еще не все!

Жена Дейва предложила, чтобы он сам опубликовал книгу онлайн, и ее скачали так много раз, а рецензии были настолько позитивными, что вскоре с ним связался литературный агент и сообщил, что у издательства есть к нему предложение.

– А еще мне звонили с Би-би-си. У них есть идея снять документальный фильм о нашей работе.

– Не скромничай! Они хотят снять фильм о тебе!

– Ну да! Но в любом случае здорово, правда?

– Не то слово! Я очень-очень за тебя рада! Жена, наверное, просто в восторге! Как здорово, что она предложила тебе выложить книгу в Сеть, сам бы ты никогда не решился!

– Спасибо! А как ты? Все в порядке? – спросил Дейв, и я поняла, о чем он спрашивает, и испытала огромную благодарность за то, что он не задает лишних вопросов.

– Все в порядке. Хотя есть один момент, хотела спросить у тебя совета... Что ты знаешь о последних продажах Гогена?

– Гогена? Ну, недавно что-то серьезное продали, помнишь? Со смешным названием. Ушло за две сотни.

– «Когда свадьба?». Да, про эту знаю. А еще что было в последнее время?

Любая, даже самая продвинутая поисковая система дает достоверную информацию за последние лет десять, не больше. Более ранние продажи легко пропустить. Ох уж эти старые добрые времена, когда не вся жизнь происходила онлайн! Здесь, в Сидерно, Дейв был моим единственным шансом добраться до нормального архива.

– Тот еще тип этот Гоген. И рисовать-то толком не умел. погоди секунду, сейчас посмотрю... – Дейв положил телефон на стол, раздался стук его палки. – Вот, нашел. Газетная вырезка. В двухтысячном году обнаружили две версии одной картины. Назывались «Букет сирени». Одна из них была в нашем весеннем каталоге. Но обе картины были от одного дилера, какого-то шулера из Нью-Йорка. Наш лот сняли с торгов, а конкуренты продали, по их словам, оригинал.

– Две версии? Ладно, спасибо огромное! Я тут просто занимаюсь изысканиями.

– Не за что, дорогая. Береги себя!

– И ты тоже!

Мы попрощались, я постучала в дверь мастерской, и оттуда высунулся Ли.

– Простите, я кое-что забыла. Берлинская лазурь. Вам понадобится очень много берлинской лазури.

Сев в машину, я обнаружила, что да Сильва уснул.

– Хоп-хей! Будем готовиться. Поедем загорать – зима, самое время!

– Что?!

– Придется тебе свозить меня в Танжер.

В «Президенте» я приказала ворчащему да Сильве искать авиабилеты, а сама пошла собирать вещи. Вскоре я расхаживала туда-сюда по террасе, курила и с нетерпением ждала звонка от Ермолова. С соседнего балкона высунулся да Сильва, и я вздрогнула от неожиданности.

– А с какого перепугу ты собралась в Марокко?

– А ты что, против?

– А почему я должен быть за? *Perchè è pieno di marocchini!*⁵

– Ну а кого ты там ожидал увидеть, расистский подпевала? В любом случае нам пора! – заявила я, притворившись, что целюсь в него из воображаемого пистолета. – Время не ждет! Разнатович вечно ждать не будет! Если отвезешь меня в Танжер, то, может, у нас и получится подготовить картину к продаже за шесть месяцев.

– За шесть месяцев? *Cazzo!*⁶

– Кстати, чуть не забыла! Мне понадобится новый дом, – сообщила я, махнув на сады отеля вниз, где как раз проветривали наших друзей-колясочников. – Здесь слишком депрессивно. А еще я составила для тебя список. Там есть все, что мне потребуется. Ты по-французски говоришь? – спросила я, от души наслаждаясь тем, что мафиози у меня теперь на побегушках.

– Нет, – уныло отозвался да Сильва.

– Тогда от тебя там толку не будет. Можешь сидеть в отеле и начинать подготовку.

– Ну да, сейчас! Если ты думаешь... – возмущенно начал он, но тут у меня зазвонил телефон.

– Прости, важный звонок! – шепнула я, и да Сильва раздраженно хлопнул дверью и ушел с балкона.

– Здравствуйте, Павел, как дела? – сказала я по-русски.

– Акцент у тебя все такой же ужасный, Джудит. У тебя все хорошо?

– Да, прекрасно... Я в Италии, – ответила я, с удивлением для себя обнаружив, что рада слышать его голос. – Как ты? Как... Елена?

Со своей женой Еленой Ермолов давно разошелся, и жили они отдельно. Именно она втянула меня во всю эту историю с Караваджо.

– Хорошо. Она стала намного спокойнее, сейчас уехала на каникулы с мальчиками.

– Рада слышать. Ты во Франции?

– Да. В спальне, – ответил он.

Я прекрасно помнила эту спальню. Учítывая все, что мы пережили вместе: секс, прекрасные картины, вино, шантаж, убийство Баленски, – странно, что я все-таки смутилась.

– Ты сказала, что тебе нужна услуга. Или две услуги? Может, расскажешь поподробнее? Хотя я не совсем понимаю, с какой радости мне оказывать тебе услугу.

– Ну чего же тут непонятного, Павел. У нас с тобой совершенно особые отношения. Плюс в Сербии хранится видеозапись, на которой ты пробиваешь Баленски череп пепельницей.

– Ты же сказала, что уничтожишь кассету!

– Да я шучу, Павел! Кажется, шучу. А может, и нет. В любом случае вторая услуга связана с первой. Ты же бывал в доме Баленски, так? В Танжере?

Человек из Стана являлся владельцем дома в этом пользующемся дурной славой портовом городе и закатывал там пользовавшиеся не менее дурной славой вечеринки.

– Да, несколько раз.

– И еще ты говорил что-то про интерьеры. В полинезийском стиле, так? Я знаю, что у Баленски был отвратительный вкус, что касается живописи, но, помнится, ты рассказывал, что дом оказался на удивление неплох?

– Да, там были милые вещицы. Почему ты спрашиваешь?

– Не важно. Я поискала в Интернете, но в Танжере тысячи вилл, и мне никак не выяснить, какая из них принадлежала Баленски.

⁵ Ведь там одни марокканцы! (*ит.*)

⁶ Блин! (*ит.*)

Все прекрасно знали, что у Баленски есть дом в Танжере, по крайней мере любители в свободное время почитать журнал «ОК!», но никаких подробностей нигде мне найти не удалось.

– Кажется, он купил этот дом у какого-то француза. Архитектора.

– Помнишь, как звали этого архитектора?

– Боюсь, нет... Но у дома было название, погоди-ка... – Он замолчал. – Апельсины!

Точно!

– Апельсины?

– Да, кажется. Что-то там с апельсинами.

– Дарлинг, ты где? – раздался где-то неподалеку женский голос.

Так, все ясно, подумала я и решила, что пора заканчивать разговор:

– Ладно. Тебе, кажется, пора. Спасибо. Я узнала все, что мне нужно.

– А вторая услуга?

– Я тебе перезвоню. Спасибо, Павел. От души. Передавай от меня привет картинам.

Обнаружив, что мне совсем не хочется думать о загадочной гостье Ермолова, о ее присутствии в его спальне и о том, показывал ли он ей свою частную коллекцию, я решила переключиться и стала гуглить все дома в Танжере, в названиях которых присутствовало слово «апельсины». Немного полазав по разным сайтам, я вышла на дом под названием «Оранж», ранее принадлежавший некому Ксавье де Сен-Клеману. Название, разумеется, придуманное. Архитектор французский. Сен-Клеман был известным членом сообщества, которое французский «Вог» причудливо называл «les happy few», или «редкие счастливчики». Он умер от СПИДа в восьмидесятые, обнаружила я, читая захватывающие статьи о карьере архитектора, где были фотографии его дома в Марокко – полное название оказалось «Шато д'Оранж», – а также и самого владельца вместе с его звездными гостями. На нескольких снимках можно было увидеть и интерьер дома, стены которого действительно были отделаны антикварными панелями и скульптурами из французской Полинезии. На других снимках с веранды злобно щурился Джеки О. Потом я перепроверила все данные по статье по дендрохронологии, посмотрела датировку дерева на сайте лондонской галереи «Филип Моулд» и нашла то, что нужно. Затем я прошерстила все агентства недвижимости в Танжере и наконец обнаружила нужный дом. Название, одна фотография и комментарий «Предлагайте вашу цену». Быстренько зарегистрировавшись на Gmail под ником «kateogable», я отправила письмо с запросом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.